

Римские хроники

Роман Буревой

Боги слепнут

«Автор»

2000

Буревой Р.

Боги слепнут / Р. Буревой — «Автор», 2000 — (Римские хроники)

Римская армия разгромлена монголами. Император Руфин умер. Его официальный наследник Элий Деций считается погибшим. Римским императором провозглашают его сына, но младенец не может править Римом. В столице вот-вот вспыхнет бунт... И в это время секретной службе Римской империи становится известно, что цезарь Элий жив...

Содержание

ЧАСТЬ I	6
Глава I	6
Глава II	18
Глава III	26
Глава IV	33
Глава V	38
Глава VI	41
Глава VII	49
Глава VIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роман Буревой

Боги слепнут

«Каждый человек стремится на родину: даже если он островитянин и если чужая сторона сулит ему вечное блаженство, он не примет предлагаемого бессмертия, предпочитая ему погребение на родной земле. И дым отечества покажется ему светлее огня на чужбине. Кажется, отчизна столь дорога всем людям, что законодатели повсюду высшей мерой наказания за величайшие преступления положили изгнание».

Лукиан. «Похвала родине».

ЧАСТЬ I

Глава I

Августовские игры 1975 года

«Сенат заседает ежедневно. Никогда прежде положение Империи не было столь катастрофичным. Гибель армии Руфина нельзя сравнить ни с поражением при Каннах ¹, ни с гибелью трех легионов в Тевтобургском лесу ²».

«Если бы Император Руфин не медлил со своей армией в Антиохии, Нисибис можно было бы спасти», – это мнение сенатора Луция Галла кажется почти бесспорным».

«Вчера император Руфин пожаловал Летиции Кар титул Августы».

«Акта диурна», 17-й день до Календ сентября 1975 года ³

I

Радио в соседней комнате ожило и разразилось потоком трагических маршей. Динамик хрипел, стараясь перекрычать воду, рвущуюся из водопроводного крана. Обычное утро в многоквартирной инсуле. Подмастерье из седьмой римской центурии штукатуров собирался на работу.

«Состояние императора Руфина без изменений...» – хрипел динамик.

«Надо же, как долго он живет», – отметила про себя Арриетта. Многие надеялись, что Руфин выживет. Но она знала, что император умрет. Знала – и все. Откуда – неизвестно. Да и какое имеет значение, откуда приходит знание? Мы знаем, что слово «синь» обозначает бескрайность неба и простор, а «черный» ассоциируется с мраком и непроглядностью ночи. Разве нужно доказывать, что ночь черна, а радость – мимолетна?

Позвонила Сервилия Кар. Чуть грустный голос, уверенный тон.

– В три часа нас ждет Руфин. Не опаздывай.

Арриетта посмотрела на старенький хронометр. Было шесть утра. Она не знала, стоит ли прощание с императором сладкого утреннего сна.

– Ты должна прийти, – Сервилия не настаивала – утверждала. И как она только вспомнила про нее, Арриетту. Сто лет не звонила, а тут...

– Я приду, – выдавила в ответ Арриетта.

С домной Сервилией трудно спорить, она всегда права, даже, когда далека от истины.

Арриетта накрутила кольца провода на палец и стала смотреть, как раскачивается трубка. На что это похоже? На трубку, которая раскачивается. Кто может похвастаться, что походит сам на себя? Арриетта не может. Она меняется. Не хочет меняться, но меняется. Не год за годом, но минута за минутой. Минуту назад ей хотелось написать пару строк, банальных, но

¹ Канны – в битве при Каннах римляне потерпели страшнейшее поражение во Второй Пунической войне от Ганнибала. Погибло 70 тысяч римлян (по другой версии – примерно 50 тысяч)

² В трехдневной битве в 762 г. германцы во главе с вождем херусков Арминием в Тевтобургском лесу разгромили три римских легиона под командованием наместника провинции Германия Вара. Погибло 27 тысяч человек.

³ 16 августа. Все даты приводятся по летоисчислению от Основания Города. (Рим основан в 753 год до н. э.)

очень милых. Но минута прошла, и Арриетта выбросила листок в корзинку и смотрит, как он сиротливо лежит на дне – маленький серый комочек весь в изломах граней.

Ей нравится сообщать знакомым, что она – поэтесса. То есть пишет стихи. У нее вышла книжка тиражом в двести экземпляров. Если зайти в книжный магазин на Священной дороге «Зефир», то можно увидеть на витрине замусоленный экземпляр.

Арриетта бросила трубку и взяла пустую страницу. Хотела написать что-то веселое, но написала «тоска». Тоска – избитое слово, с него нельзя начать стихотворение. В мире слишком много тоски. Дома – тоска, трава – тоска, и лица человеческие тоже, почти как дома и трава. Но Арриетта не стала бросать листок в урну. Одно слово еще не означает провал, из него может что-то вылупиться.

Император Руфин умирает. В три часа дня Арриетта в числе избранных приглашена с ним проститься, император собирается сказать миру последнее слово. День до трех часов утра-тил смысл, скомкан ожиданием, как листок с неудачной фразой. Сооружение прически, умы-вание, даже завтрак нельзя растягивать так долго, чтобы день распрямился и принял удобные очертания. Само по себе приглашение лестно. Но Руфин... Что он значит для Арриетты?

Август умирает. Это звучит первой строчкой стихотворения. Но строчкой слишком мно-гозначительной. Она не требует продолжения и не может вытащить за собой из небытия целую строфу, и потому останется в одиночестве. Арриетта даже не знала: грустно ли ей, что Руфин умирает, или нет. Во всяком случае, она ничего не хотела от него услышать, и нечего ей было ему сказать. Наверное, еще года полтора назад она бы с ума сошла, узнав о гибели императора и его армии. А сегодня ей все равно. С некоторых пор Арриетта стала подозревать, что другим – тоже. Или почти все равно. Просто они не говорят об этом вслух, как и она. И от этого ей по-настоящему становилось не по себе.

А может быть, люди сделались бесчувственными потому, что утратили гениев? Гении не позволяли людям равнодушно наблюдать за происходящим, они бы заставили подопечных грудью встать против зла. Не всех, конечно... Некоторых. Многих. И этого вполне достаточно. Но кто по собственной воле готов бороться, пока его не приперли к стене? Кто?

Хорошо бы повстречать гения. Арриетта думала об этом каждодневно. Но гении почему-то не встречались ей на пути. Ну, разве что в виде кошек.

Арриетта отворила дверь и вышла в сад. Сад – это громко сказано. Нелепо называть садом огороженный квадратик земли, в который намертво выросла старая пиния. Огромный шатер длинно игольной хвои накрывал весь «садик» лиловой тенью. Сейчас под этим шатром лежал человек. От природы крепкого телосложения, он исхудал так, что кости готовы были прорвать выдубленную солнцем кожу. Грязная туника, волосы всклокочены и в пыли. Незна-комец спал и видел удивительные сны. Неправдоподобные видения роились вокруг головы спящего, как слепни над потным крупом скакуна. Арриетта опустила рядом на колени: инте-ресно подглядеть чужой сон. Но только она всмотрелась в мельканье зеленоватых и голубых теней, только различила слабое мерцанье вокруг головы, как человек дернулся и проснулся. Видения мгновенно исчезли. Бродяга был красив и молод. И у него были огромные черные глаза. Они смотрели, не мигая, куда-то мимо Арриетты и разглядывали неведомое у нее за спиной. Разглядывал так внимательно, что она невольно оглянулась. Но за ее спиной не было ничего интересного. Стена дома, выкрашенная охрой, уже изрядно полинялая, и в стене пустая ниша, в которой когда-то находилась статуя. Незнакомец протянул руку и положил ладонь на голое колено девушки. Арриетта вlepила ему пощечину. Незнакомец отшатнулся, по-преж-нему разглядывая пустую нишу в стене.

– Кто здесь? – спросил он глухо. – Ловцы?

И тогда Арриетта поняла, что перед нею слепец. Ей сделалось стыдно за свою выходку.

– Кто ты? – задала она вопрос в свою очередь.

Незнакомец облегченно вздохнул:

– Нет, не ловцы... не ловцы... Слава богам...

Он содрогнулся всем телом, вспомнив ночную охоту и свой бег, петлянье по улицам в темноте. Впрочем, для него темнота днем и ночью одна и та же. Как он спасся? Как сумел ускользнуть? Кажется, он перепрыгнул через ограду и упал здесь под пинией, а ловцы помчались дальше, уверенные, что вот-вот настигнут добычу. Он ускользнул. Пока.

– Кто ты? – повторила Арриетта вопрос.

– Я – Гимп, бывший гений.

– Гений! – воскликнула она почти восторженно. – Значит, ты говорил с богами, да?

Он кивнул с неохотой:

– Говорил, и довольно часто.

– Ну и как они, боги? Блаженны и вечны?

– Может быть и блаженны, но не вечны. Хотя и бессмертны. Представь, бессмертны, но не вечны.

Он бросал слова, как другие бросают кости – по воле случая, имитируя мысль. Говорил не для того, чтобы высказаться, но лишь затем, чтобы скрыть чувства и опасения. Но это не злило Арриетту. Напротив. Его словесные обманки забавляли ее, как игра.

– Ты ослеп, когда тебя сбросили на землю?

Гимп отрицательно покачал головой:

– Я ослеп, потому что потащился вместе с армией Руфина в Месопотамию. Люди придумали для низвергнутых гениев сладкую приманку под названием «римское гражданство». Я думал, что смогу быть легионером. Что сдюжу. Я вынослив, ловок, силен. Умен... Но ни ум, ни сила мне не понадобились. Я облучился вместе с другими. Теперь они умирают в клинике Нормы Галликан. А я метаморфирую. Для начала у меня вытекли глаза. Потом произошла регенерация, но что-то нарушилось, и я не могу видеть. Гении под воздействием жесткого излучения метаморфируют. Так же, как и боги. В этом мы схожи. – Походя он сообщил ей свою тайну. Поймет собеседница, не поймет – новый бросок костей. Арриетта поняла, но не подала виду.

– Если бы я видела богов, – задумчиво проговорила Арриетта, – то сложила о них поэму...

– Не трать попусту время. Лучше угости меня вином, да я пойду.

– Куда? – спросила она насмешливо.

Он не ответил, только нахмурил брови.

И он не ушел. Некуда было ему идти. Спустя полчаса он бултыхался в горячей ванне, взбивая густую мыльную пену, и пел охрипшим каркающим голосом о музыке сфер и небесной тверди. Он не подозревал, что Арриетта стоит в дверях ванной комнаты и не может отвести взгляда от его чеканного профиля. Но профиль – это только половина лица. Половина может быть утонченной, но все лицо – безобразным. Но когда смотришь на прекрасный профиль, об этой двукости догадываться не стоит. Вообще лучше жить, видя лишь половину мира. Так легче.

Арриетта подошла и скинула тунику. Стояла перед гением обнаженная, а он не видел ее. Но что-то почувствовал – замер, прислушиваясь. Потом вытянул руку и коснулся ее колена. Медленно она опустилась в ванну. Одно слово «гений» вызывает в женщинах вожделение. Они млеют от звука его голоса, они сходят с ума от одного прикосновения, молят об одной-единственной ночи, ничего не требуя взамен, на все готовы, лишь бы побывать в объятиях гения. Арриетта не знала, что влечет ее – необыкновенная красота гостя или его гениальная сущность. Или собственное вожделение, давно не находившее выхода.

«Прикосновение гения»... О, неплохое название для поэмы. Название, скрывающее смысл. Хотя весь смысл пока – хлопья пены на грязной воде и несколько минут Венериных утех на узком неудобном ложе, которые не принесли ей наслаждения.

Закутавшись в халаты из махрового хлопка, они расположились в триклинии. Пили кислое, терпкое красное... без имени существительного – одних прилагательных вполне хватит для определения сути.

– А ты кто? – Он улыбнулся, и эта улыбка давала понять, что она может насочинять многое, почти все... и ничего. Правда и вымысел были для него равнозначны.

– Пишу стихи. Иногда. Когда скучно.

– А когда влюблена?

– Не была влюблена лет сто.

– Я тоже. Выпьем за нелюбовь.

Они выпили.

– Нелюбовь – это выше, чем любовь? – попыталась сыграть в игру гения Арриетта.

– Нелюбовь – это тьма. Прежде я этого не знал. Теперь знаю.

– Ты любишь говорить о прежней жизни? – Она любила. Прежняя жизнь с некоторых пор начала казаться вполне сносной. Если не задумываться о том, что происходило с людьми на тайной арене в подвале. О тех, кто в подвале, не стоит думать. Это первое правило жизни. Правило, о котором нигде не пишут. Думал ли гений о подвалах, когда был гением?

– Предпочитаю говорить о настоящем. – Подвалы его не интересовали.

– Боишься открыть свои тайны?

– А ты что делала в прежней жизни?

– Тоже писала стихи.

– Так неинтересно. Жизнь меняется, а ты – нет. Я не люблю константы. Ты жалеешь о прежней жизни? Той, в которой у тебя был гений, как щит, а в Империи все было предопределено на много лет вперед.

– Никогда! – воскликнула она излишне возмущенно, потому что на самом деле иногда с тоской вспоминала прошлое.

– А я жалею, что рассечен на две части полосой времени. Я бы хотел быть гением или человеком. Но быть и тем, и другим невыносимо.

Он усмехнулся тому, как ловко поддел ее на крючок вопроса. И совсем ни к чему так было горячиться. Достаточно немного подумать, чтобы ответить красиво, а не брызгать эмоциями, как неумелый оратор слюной.

– Проводишь меня? Нынче гениев многие ненавидят. Можешь отказаться – я не обижусь.

– Я провожу, – пообещала она.

Ей очень хотелось расспросить его о прошлом, и хотя бы на словах насладиться восхитительной жизнью высшего существа. Но не посмела – почудилось, что гений не захочет говорить о том, что утратил.

II

Норма Галликан смотрела на протянувшиеся через двор клиники очереди. Одна была длинная, другая еще длиннее. В первой люди были мрачны, но как-то поверхностно, будто надели старинные маски актеров трагедий. Чужое горе лишь коснулось их, но не опалило; привело в смятение и заставило прийти в этот просторный двор к двери с надписью «лаборатория крови». Добровольные доноры ждали своей очереди, веря, что немного пурпурной жидкости из их вен спасет чью-то жизнь. Люди во второй очереди изнемогали от ужаса и надеялись только на чудо. Эти вторые были родственниками облученных, пришедшие сдать костный мозг в надежде, что он может прижиться. В лаборатории Нормы Галликан не умели подбирать «чужих» доноров. Если у легионера не было близких родственников с подходящим генетическим кодом, он почти наверняка был обречен умереть от лучевой болезни.

Норма в ярости стиснула кулаки и несколько раз изо всей силы ударила по стене. День за днем, минута за минутой она ощущала свое бессилие. Много лет она готовилась к этому и страстно желала, чтобы никому не пригодилось ее умение. Беда грянула неожиданно. Они были не готовы. Люди вообще ни к чему не готовы, ни к жизни, ни к смерти. Интересно, боги бывают готовы к смерти? Или в тяжкую минуту они тоже обращаются к кому-то и шепчут: «Будь милостив»?

Норма стремительно старела. Тому, кто не видел ее месяц, могло показаться, что прошел целый год. Прошлым летом она казалась почти девчонкой. Сейчас – почти старуха. Седые волосы. Глубокие складки вокруг рта. Но может быть даже не это, а темная бесформенная туника и темные хлопковые брюки приманивали своими складками время. Минуты клещами впивались в кожу, высасывали силы, разрушая привычный облик. Тем более странно выглядел огромный живот на этом почти старушечьем теле. Казалось, Норма не беременна, а больна, и чудовищная опухоль растет день ото дня. Сослуживцы и друзья боялись спрашивать о сроке родин. Сама она ни с кем не говорила о будущем ребенке.

Против Кроноса есть лишь один верный способ борьбы – не смотреться в зеркала, тогда, чувствуя себя двадцатилетней, без смущения будешь строить глазки кудрявым юношам.

Норма не гляделась в зеркала. И ей некогда было заигрывать с кудрявыми красавцами. К тому же в ее клинике не было кудрявых. Облученные лишились волос. Они лежали в палатах, как в камерах-одиночках, под синими лучами кварцевых ламп, они устали стонать, и молча встречали Норму умоляющими взглядами: спаси. Другие устали даже смотреть – эти были точно обречены. Однако некоторых удавалось вытащить. Авл Верес, молодой легионер Четвертого легиона неожиданно пошел на поправку – костный мозг, пересаженный ему от младшей сестры, прижился. Теперь он свободное от процедур время проводил на открытой галерее, глядя на лоскут синего неба, смотрел и не мог наглядеться.

– Значит, спасение возможно, – повторяли медики и против воли улыбались.

«Авл Верес», – повторила Норма про себя имя спасенного, как заклинание.

Она слышала, что кто-то отворил дверь в таблин, но не обернулась. Узнала шаги. Легкие, почти невесомые. Странно, что походка гостя не изменилась. Напротив сделалась еще легче, еще неслышнее. Как будто она не по земле ходит, а летит. А может в самом желе наступит момент, когда она поднимется в воздух?

– Я же запретила тебе приходить. – Норма продолжала смотреть на очереди внизу, которые двумя безлистными умирающими лозами оплетали мощный двор.

– А я пришла, – отвечал упрямый молодой голос.

Только в юности можно быть столь глупой и столь упрямой. Только в юности можно чувствовать себя абсолютно счастливой и абсолютно несчастной. Старея, человек срастается с остальным миром. Старик уже не отделим от своей прожитой жизни, от своего дома, своих дел, детей и ошибок. Каждое новое событие – всего лишь добавка к прежнему багажу, к накопленному хламу, и хлам этот невозможно выкинуть на свалку. Будто в огромную чашу вина добавляешь еще несколько капель. Вино меняет вкус, чуть меньше горчит или, напротив чуть больше, но капли не в силах изменить содержимое чаши. А в юности... в юности можно опьянеть от одного глотка, или захлебнуться от горечи и умереть...

Норма Галликан разучилась сильно огорчаться. Но и радоваться тоже почти не могла.

– Кормящей матери нельзя находиться в этом здании, – назидательным тоном произнесла Норма.

– У меня нет ни капли молока. Пропало. Теперь у Постума кормилица. Пусть ест. А здесь...

– Но ты приходишь «грязная», даже после мытья от тебя продолжает исходить излучение. И ты облучаешь своего малыша.

– Могу с ним не видаться.

Норма обернулась, глянула на Летицию. У бедной девочки белое неподвижное лицо с остановившимся взглядом. И нелепая улыбка на губах.

«Вид свежеповешенной», – подумала Норма Галликан, и сердце ее сжалось, потому что сама в молодости она пережила нечто подобное и очень хорошо знала, что значит – потерять навсегда.

Чтобы смотреть, Летиции приходилось делать усилие. Чтобы открывать рот и говорить – тоже. Только шагать ей было легко. При этом ее охватывало чувство, что движение приближает ее к Элию. Летти не знала, откуда появилась эта иллюзия. Но она возникала всякий раз, стоило ей отправиться на прогулку. Она бродила по улицам час за часом. Охранник, старый фрументарий, приставленный к Августе, следовал за ней всюду; а вечерами, поминая Орка, заклеивал пластырями мозоли на пятках. Когда быстро сгущались сумерки, так же быстро перетекая в ночь, мнилось старому фрументария, что являлось вокруг головы и плеч Летиции платиновое сияние, являлось и тут же пропадало. Сияние это все больше и больше тревожило старика. Он опасался, что свечение могут заметить ловцы. Но он напрасно предостерегал Летицию, уговаривал сидеть дома. Она его не слушала. Она мало кого слушала теперь.

– Ты меня коришь, а сама, беременная, разгуливаешь по клинике. – Летиция коснулась ладонью огромного живота Нормы Галликан.

– Для него излучение не опасно.

– Ты так говоришь, будто там не ребенок.

– А там на самом деле не ребенок. – Норма странно улыбнулась.

– Хочешь его убить? – Летиция изумленно открыла рот.

Норма отрицательно покачала головой:

– Излучение его убить не может. Оно для него родное. Даже больше: оно ему необходимо.

Летиция ничего не поняла, но поверила.

– Может, и мне надо немного облучиться?

– Твоя жизнь еще не кончилась, – слова Нормы звучали не слишком убедительно. – В палатах на втором этаже жизнь действительно кончается. Каждый день там кто-нибудь умирает. Они лежат на кроватях совершенно нагие под светом кварцевых ламп и мычат от боли, ибо морфий не может облегчить их страдания.

– А *его* нет здесь... – прошептала Летиция. – Если бы его, как Протесилая⁴, боги вернули бы мне на три часа, чтобы я могла умереть в его объятиях... Три часа... всего лишь три часа...

Норма не знала, что и сказать. Подошла, обхватила Летицию за плечи, прижала к своему огромному животу, гладила по голове, сминая волосы, и уговаривала:

– Это пройдет, пройдет... День уменьшает горе...

Летти затряслась. Плачет? И вдруг Норма поняла, что Августа смеется.

– Я вдруг вспомнила, – выдавила Летиция между приступами смеха. – Мы напились и заснули в таблине Элия. А утром пришли клиенты. А мы спим голые на ковре, укрытые его пурпурной тогой. До спальни можно добраться только через атрий. А в атрии клиенты, – она смеялась и плакала одновременно. – Элий закатал меня в свой халат и унес на плече в спальню. А я спала, и ничего не чувствовала. Потом, когда он рассказывал мне об этом, я так смеялась, так смеялась...

Она замолчала. Норма продолжала гладить ее по голове. Что сказать в ответ? Что можно было вообще сделать? Ну разве что соорудить пышный кенотаф, да таскать туда цветы и венки, но этим не утишить боль в сердце.

– Когда мы возвращались из Кельна, Элий купил на станции книжку стихов Арриетты М. и читал мне ее вслух часа два или три. Я чуть не заснула. Самое обидное – теперь не знаю,

⁴ Согласно греческим мифам, Протесилай погиб первым во время Троянской войны, так как первым коснулся земли, прыгнув с корабля. Его юная вдова умолила богов вернуть Протесилая на три часа в царство живых и умерла в его объятиях.

где эта книжка. И не помню ни единого стиха. Каждый день ищу ее и ищу... и не могу найти... Все ищу... каждый день... Вот и сегодня искала. Помню – стихи были красивые... но ни одной строчки, ни одного слова не помню...

– Иди домой, – посоветовала ей Норма. – К Постуму. Он вырастет и станет похож на Элия.

Летиция замотала головой:

– Нет, нет, он должен быть другим! Иначе он будет таким же несчастным! – Она поднялась. – Не могу одна, – призналась Августа. – Надо, чтобы кто-то был рядом. Тогда принуждаешь себя держаться. Тебе деньги не нужны? Прислать чек?

Норма отрицательно покачала головой:

– Прибереги состояние для Постума. Миллион растратить легче, чем сто сестерциев.

– Да? – вполне искренне удивилась Летиция. – Надо попробовать. Может, пойти поиграть в алеаториум? Немножко. Тысяч пять-шесть взять с собой и поиграть. Ты не знаешь, Элий был игроком?

– Не знаю.

– И я не знаю. Я о нем почти ничего не знаю. Я пришлю чек.

– Не надо!

Средства у клиники были. Со всех концов Империи шли пожертвования. У кого не было денег, несли драгоценности. Норма подумывала, не создать ли банк данных для подбора доноров костного мозга.

Денег было достаточно – не хватало времени.

Дверь в таблин вновь отворилась и без приглашения влетела Юлия Кумская в белом развевающемся платье.

– Девочки, ну как вы! Хорошо выглядите. Обе, – бессовестно солгала Юлия. – Глядя на вас, я чувствую себя виноватой. Да, да сейчас время рожать новых солдатиков. Надо и мне срочно обрухаться!

III

Несмотря на все протесты медиков, в палату к Руфину постоянно заходили секретари и кураторы. Руфин все еще был императором, и без его закорючки на документе не могло решиться ни одно важное дело. Люди возникали в палате, как боги из машины в греческих трагедиях, выкрикивали свои краткие реплики, и тут же исчезали. Оставалось лишь тихое жужжание кварцевых ламп, запах лекарств, и боль. Боль, которую не могли снять никакие лекарства. У Руфина не было близких родственников, чтобы сделать пересадку костного мозга. А мозг, пересаженный от постороннего донора, не прижился. Если бы Александр был жив, он мог бы спасти отца. Пассивно, одним своим существованием, как и должен был все делать в жизни – просто жить, и одним этим фактом заставлять двигаться огромную машину Империи. Но Александра убили. И Руфин даже не знал, кто. А его дочь слишком мала, чтобы послужить донором.

Чуда не произошло. Император умирал. И так он держался поразительно долго. Почти все, кто был рядом с ним в тот день, и кому не сделали пересадку, уже умерли. Криспина приходила редко. В первые дни Руфин справлялся о ней, требовал, потом звал, потом умолял... В телефонной трубке ее голос звучал равнодушно и механически. Явилась Мелия, первая его супруга, долго сидела у постели и молчала. В конце концов он прогнал ее. Мелия постоянно говорила об Александре, и, глядя на нее, Руфин видел перистиль, залитый зеленым светом, и пурпурные пятна крови на полу, и тело Цезаря, изуродованное смертью, почти уже не человеческое, сломанное.

Но сегодня Руфин потребовал, чтобы Криспина пришла. И она не посмела отказаться. Он все еще император. Красивая, полнотелая, немного бледная, она смотрела на Руфина пустыми глазами, и в них не было ни сочувствия, ни жалости – одно равнодушие.

– Почему не приходишь? – спросил Руфин.

– Посещать облученных опасно. – Она даже не нашла нужным скрыть истинную причину своего отдаления.

– Боишься? – говорить ему было трудно: язык и губы опухли, Руфин с трудом выталкивал из отекающей гортани слова.

– Я и так рисковала, пытаясь зачать наследника сразу после родов. Но ты не смог ничего сделать! Не смог объявить нашу крошку своей наследницей! Она самый прекрасный, самый лучший ребенок в мире. А ты... – Она задохнулась от презрения и гнева.

– Это невозможно, – прохрипел Руфин. – Я не могу нарушить закон.

– Тогда о чем нам говорить?

– Хотел проститься.

– Прощай, – бросила она равнодушно.

– Поцелуй на прощание, – попросил Руфин.

– У тебя губы распухли... – Она брезгливо передернула плечами.

После ее ухода в воздухе повис терпкий запах духов. Он смешался с запахом лекарств, превратившись в тошнотворную смесь.

Выйдя из палаты, Криспина увидела в криптопортике десятка два ожидавших. Среди посетителей она узнала Сервилию Кар, поэта Кумия, проходимца Силана, который высмеял ее и Руфина, переделав комедию Плавта. Досталось еще и Элию. Но Элий принялся, как плебей, ломаться на сцене вместе с подонками-актеришками и тем самым еще больше унижил Августа. Криспине еще тогда, после спектакля, хотелось расцарапать лицо Силану. Сейчас злость вернулась с двойной силой. Криспина шагнула к драматургу.

– Подлец! Ты во всем виноват! Ты и такие, как ты! Все – негодяи!

Стоявшие рядом литераторы засмеялись.

Она повернулась к ним, окинула каждого гневным взглядом. А они пытались подавить улыбки, но напрасно.

– Здесь что-то смешное! – закричала она. – В этой клинике что-то смешное? Облученные, обожженные – они смешны? Они умирают – это смешно? – Ей уже и вправду казалось, что ежедневно, стиснув руки и наполнив сердце мужеством, она приходила сюда, чтобы провести долгие часы у постели умирающего мужа, как это делали другие.

У посетителей сделались скорбными лица. Но это взбесило будущую вдову еще больше. Криспина размахнулась, ткнула кулачком в ближайшую физиономию. Кто-то схватил ее за локти и отвел в сторону. Криспина обернулась, готовая вlepить пощечину. Перед ней был банкир Пизон.

– Дядюшка... – Она растерялась и оставила попытки вырваться.

– Бедная девочка, ты так измучена, тебе надо домой, – фальшиво засюсюкал Пизон. – Ступай, детка, мои люди тебя проводят.

– Они не считают меня *настоящей* Августой...

– Ты устала. Всякое может показаться в таком состоянии.

Пизон повел ее к дверям. Он умел убеждать. Если требовал момент, врал бессовестно, но ему почему-то верили. Вот и сейчас Криспина верила, хотя знала, что он лжет.

– О боги, какая дура! – вздохнула Сервилия.

И тут она увидела у входа в криптопортик Норму Галликан в тунике и брюках из темного хлопка. Рядом с Нормой стояла Летиция. На ней было длинное белое платье. Траур. Сервилия не видела дочери с тех пор, как она... Сервилия прикидывала в уме и не могла сосчитать. Сколько же дней они не виделись? Кажется, со дня свадьбы. Неужели со дня свадьбы? Дочь

изменилась. Выросла еще немного. И повзрослела. Летиция позвонила матери один только раз, когда родился Постум. «Мама, у меня сын». – «А мне все равно», – ответила Сервилия и повесила трубку.

А тут она будто увидела себя со стороны – ей тоже довелось носить траур. Правда, то был траур по человеку, которого она никогда не любила. Как хорошо носить траур и при этом не страдать. Тот траур дарил ей незабываемое чувство превосходства. Все почитали ее несчастной, не подозревая, как она счастлива. Правда, покойный успел сделать на прощание последнюю гадость: оставил почти все свое состояние маленькой Летти. Но этот факт давал Сервилии возможность проклинать его еще изощреннее.

Летиция же была несчастна безмерно. Аура горя окружала ее, как Криспину – запах духов. Сервилия подошла и обняла дочь. Летиция с изумлением посмотрела на мать. Молодая женщина уже привыкла к непримиримости и равнодушию Сервилии – и вдруг такой сильный прилюдный порыв! Почти актерский. Юлия Кумская стояла рядом и одобрительно кивала. Как будто хотела сказать: хорошо сыграли, боголюбимые матроны.

– Все пройдите в соседнюю комнату и переодевайтесь, – кашлянув, сказала Норма Галликан. – Обязательно закрыть волосы и надеть маски. Не хочу, чтобы радиоактивная грязь разносилась по Риму.

Галдящая толпа актеров, режиссеров и поэтов ринулась переодеваться. Пизон, проводив Криспину, вернулся и трусцой припустил за остальными – не мог пропустить столь важный момент. Норма Галликан была уверена, что Пизона не приглашали, он пришел сам. Но она не стала выпроваживать банкира.

В криптопортике остались только мать и дочь.

– Ты наведишь меня? – спросила Сервилия.

Летиция отрицательно качнула головой:

– Нет. У тебя слишком часто бывает Бенит.

– Сенатор Бенит, – поправила Сервилия.

– Все равно подонок.

– А я могу прийти взглянуть на Постума?

– Приходи. Но сообщи заранее. Ведь я теперь Августа.

Примирение как будто состоялось. Но только как будто. Обе женщины чувствовали неискренность сказанных слов. Сервилию мало интересовал Постум. Летиция еще сильнее ненавидела Бенита.

В последнее время все чаще Летицию посещала кошунственная мысль, что мать спасла ее жизнь, чтобы спасти состояние, право распоряжаться которым теряла в случае смерти несовершеннолетней дочери. С каждым днем такое объяснение казалось Летиции все более правдоподобным. Но это открытие вызывало лишь раздражение: все равно Летиция чувствовала себя обязанной матери. Где еще ценят так слово «долг» как в Риме?

Палата Руфина была велика, но все же не настолько, чтобы вместить всех приглашенных. Приход посетителей нарушил стерильность, необходимую больному, но Руфин доживал последние дни, а, может, и часы, и уже не имело значения, чуть больше этих часов останется или чуть меньше. Император не может умереть как простой смертный. Каждый римлянин мечтает о красивой смерти. Но это так трудно, это почти невозможно. Смерть по своей физиологии не может быть красивой. Но вопреки всякой логике, вопреки очевидности Рим пытается в смерти соединить несоединимое. Марк Аврелий, поняв, что болезнь его смертельна, перестал принимать пищу, дабы не длить бессмысленную агонию. Веспасиан, умирая от поноса, велел поднять себя с ложа и произнес историческую фразу: «Цезарь умирает стоя». И добавил: «Кажется, я становлюсь богом». Веспасиан был большой шутник. Анекдот о плате за латрины знает каждый школьник. Даже Элагабал хотел умереть красиво. Предвидя, что его попытаются убить, он выстроил высокую башню и поместил внизу золотые, украшенные драгоценными

камнями плиты, чтобы броситься вниз, когда за ним придут убийцы. Роскошная обстановка, блеск золота и драгоценных камней. Пусть потомки говорят, что Элагабал умер так, как не умирал ни один император. А преторианцы убили его в отхожем месте.

Но уж точно никто не умирал так, как Руфин – так долго и так мучительно, находясь в полном сознании и понимая, что оставляет после себя Империю на грани краха. Новорожденный ребенок во главе – и вокруг него змеиный клубок женщин, жаждущих власти. Женщины дерутся за власть яростнее мужчин. Пурпур их сводит с ума. Пока гладиаторы на арене Колизея исполняли желания, капризы красоток заставляли вздрагивать Империю, но не могли поколебать устоев. Теперь все исчезло – армия, власть, и дар богов. Империя так же беспомощна, как новорожденный император. Ничего не стоит опрокинуть старинное здание, лишь бы утолить единственную неутолимую жажду – жажду власти. Летиция еще девочка, но убеждена, что ее сын-император уже правит. Сервилия намерена дойти до высшей точки власти, но извращенным путем, как будто вместо естественной любви она выбирает лесбийское непотребство. Криспина, вообразившая, что может опрокинуть тысячелетние законы и впихнуть на Палатин свою крошечную дочурку, глупее и Летиции, и ее матери, но зато нахальнее и наглее обеих. И остановить это безумие могут лишь отцы-сенаторы, которых Руфин всю жизнь недолюбливал. Это походило на насмешку. Но весь вопрос в том, кто же захотел посмеяться так изощренно?

Певцы, сочинители, актеры вошли в палату и встали полукругом возле кровати императора. Он смотрел на их лица, наполовину прикрытые масками, на хлопковые шапочки, и не узнавал никого. В своих белых балахонах они напоминали души на берегах Стикса. Души его легионеров, сгоревших в ядерном пламени без погребения, теперь сотню лет не могущие найти покоя.

Они смотрели на него молча. Ждали. Он что-то должен им сказать. Найти важное слово, чтобы историкам было, что вписать в анналы, а потомкам выбить на бронзовых досках. И Руфин заготовил предсмертную речь. Все эти дни, лежа в палате в одиночестве, мучаясь от боли, и забываясь кратким, не приносящим облегчения сном, он старательно обвинял в происшедшем Элия, его милосердие по отношению к Триону, и его неспособность отыскать сбежавшего ученого. И вот теперь, уже перешагнув свой Рубикон, умерев, но, продолжая жить, Руфин осознал, что зря винил Элия. Тот был виноват лишь в одном: не сумел исправить ошибки Руфина. Элий, сгинув в Нисибисе, искупил вовсе не свою вину, а вину Августа. На берегу Стикса императора ждут его гвардейцы, которых он с такою легкостью послал на смерть, сам точно не зная, зачем.

Время обнажает истину. Так что глупо ее скрывать, когда твое время кончилось. Руфину во всем придется признаться.

– Квириты, – сказал Руфин, так будто не в палате лежал, а стоял на рострах и обращался к толпе, затопившей форум, и божественный Марк Аврелий Антонин на мирно шагающем коне запоздало указывал ему путь. – Катастрофа в Нисибисе случилась по моей вине. Все помнят старую римскую поговорку о том, что о мертвых надо говорить лишь хорошо, либо не говорить ничего. Так вот, я хочу говорить об Элии Цезаре...

Слушатели переглянулись. Они ожидали чего угодно, но только не этого. Упреки в адрес Руфина повсюду звучали уже в открытую. Аналитики всех мастей искали и не находили иного виновника, кроме императора. Мнения людей совершенно различных взглядов совпадали разительно.

Руфин облизнул мгновенно пересохшие губы. Норма Галликан, стоящая рядом, провела по губам умирающего кусочком льда. И Руфин вновь заговорил.

– Я был заодно с Трионом. Я знал, что в Вероне создают урановую бомбу. Я позволил Триону бросить вызов богам, надеясь, что люди сами станут как боги. Ошибся... Когда понял, что тайну дольше не скрыть, приказал верным мне людям уничтожить приборы, создающий защитный экран от богов и гениев. Опасался, что мое участие станет известным. Я уничтожил

следы... Трион оказался вроде как не виновен – ведь боги не наказали его сами... – Руфин вновь сделал паузу. Слушатели ждали. – Я знал, что Трион изворотлив и хитер. Я недооценил его, я виноват. Не осмелился сказать правду... потом стал надеяться, что все обошлось. Если бы сенат узнал об этих приборах, Триона отдали бы под суд и приговорили к смерти. А я... Я вынужден был бы уйти...

Руфину казалось, что кто-то другой его голосом (да и его ли это голос – сдавленный, сиплый, неживой) делает ошеломляющие признания. Он говорил, прикрыв глаза, ни на кого не глядя, он говорил это своим легионерам, ожидавшим его на берегах Стикса, он обращался к матерям и женам, что сидели сейчас в клетушках одиночных палат возле живых трупов своих сыновей и мужей, он делал это признание солдатам, засыпанным в глубоких гробницах возле Нисибиса. Но важнее всего эти слова были для одного человека – для крошечного Постума Цезаря, который через несколько дней, а может и через несколько часов сделается Постумом Августом. И, когда мальчик вырастет, ему будет плевать на Руфина, как плевать на Элагабала, Тиберия, Нерона или Калигулу, но своего отца, которого он никогда не увидит, Постум Август должен чтить как бога. Это единственное, что может сделать Руфин. Для Постума и Империи.

– Вторая моя вина в том, что я намеренно не пришел на помощь Цезарю в Нисибисе, потому что считал, что смерть Элия мне выгодна. Напрасно наши преторианцы сражались, как львы, напрасно Цезарь геройствовал. Я ждал, когда варвары их уничтожат. Моя смерть не искупает моей вины. Она ничего не искупает... – Он вновь замолчал. Тишина сделалась гнетущей, почти невыносимой. Лишь было слышно, как тяжело дышит умирающий. Наконец он вновь заговорил – Я хочу, чтобы мое заявление завтра напечатали в «Акте диурне», и я бы, еще при жизни увидел, что справедливость восстановлена.

Когда он поднял глаза и глянул на слушавших, то увидел, что они один за другим стягивают с лица овалы марлевых масок и открывают лица, чтобы император мог видеть, кому сделал свое последнее признание. К своему изумлению Руфин увидел среди приглашенных Пизона. Банкир во все глаза пялился на умирающего, как будто собирался извлечь максимальную прибыль из смерти императора.

Золотоволосая девушка подошла к Руфину и, опустившись на колени, поцеловала распухшую, покрытую язвами руку императора.

Эта речь была его белой тогой, в которую он завернулся, чтобы умереть.

– Теперь уходите, – повелел Руфин.

На белом не должно остаться пятен от гноя и мочи. Смерть должна быть красива. Пусть даже это противоречит физиологии как таковой.

IV

Квинт уже несколько дней подряд смотрел на спину своего проводника и на тощий, покрытый свалывшейся шерстью и болячками зад бактриана. Впрочем, верблюд Квинта выглядел не лучше.

– Почему эта тварь до сих пор не сдохла? – бормотал Квинт, трясясь между тощими горбами. – Не удивлюсь, если он окоцурится сегодня вечером.

Проводник то ли не слышал его слов, то ли делал вид, что не понимает. Квинт говорил то же самое и вчера, и два дня назад, но верблюд продолжал тащить по степи свои тощие горбы и своего ворчливого седока, довольствуясь несколькими кустами колючек. Впрочем, кустарник и желтая пожухлая трава встречались все реже. Все чаще попадалась каменистая, лишенная всякой жизни земля.

– Далеко еще? – спросил Квинт.

Проводник поднял руку с палкой и ткнул в полуразрушенную башню. Цель путешествия близка. А может, и смерть близка. Квинт объехал почти всю Месопотамию и Сирию, по доро-

гам, запруженным беженцами. Месопотамская армия исчезла. В ее форму рядились грабители всех мастей. Если бы монголы явились бы к воротам Антиохии, то взяли бы ее без боя. Но монголы почему-то не двинулись на Антиохию. Они ушли назад в Хорезм. Возможно, варвары стояли слишком близко к Нисибису и тоже облучились? Или их остановило что-то другое, неведомое?

Беженцы рассказывали, что монголы перебили всех пленников и отсекали им головы. То, что болтают на дорогах и в придорожных тавернах, – не всегда вранье. Квинт нашел этот курган из голов – черная, покрытая мухами гниющая масса. Нестерпимая вонь. Надев маску и перчатки, Квинт обследовал могильник. Ни одного римлянина среди убитых не было – на гниющих головах сохранились персидские амулеты и украшения из пластмассы, на которые не позарились варвары.

Верблюды добрались до ворот крепости, и тогда Квинт увидел то, что и ожидал увидеть – полуразрушенную башню, несколько лишенных крыш обугленных построек и обнесенной каменной стеной двор. Когда-то здесь был колодец, но вода ушла, и оазис умер, как умирают все в этих местах, лишившись воды. Но не крепость или остатки стен искал Квинт.

Верблюд Квинта, повинаясь приказу хозяина, опустился на колени возле ворот, и Квинт спрыгнул на землю.

– Можешь подкормиться, если что-нибудь найдешь, – сказал Квинт верблюду; он был уверен, что в отличие от проводника эта полудохлая тварь его понимает, и когда-нибудь ответит, обидевшись на очередную реплику. – Но учти: камни не съедобны.

В ответ верблюд глянул на Квинта презрительно.

«А вдруг это гений, сосланный на землю?» – подумал Квинт и внимательно посмотрел в огромные печальные верблюжьи глаза. Тогда не удивительно, что он не умирает. Ведь он бессмертен.

– Ну-ка ответь мне, нравится тебе на земле в этой грязной шкуре со свалившейся шерстью шляться по пустыням и степям и таскать на спине проходимцев вроде меня?

Но верблюд лишь фыркнул презрительно: то ли не захотел отвечать, то ли он был самым обыкновенным верблюдом.

Во дворе валялись пустые канистры и мешки. Красный военный плащ, изорванный в клочья. Один башмак, явно военный, и явно римский. Бронешлем без ремешков, сломанные пустые ножны от прямого меча, комы грязных тряпок, когда-то несомненно белых... Несколько пластиковых бутылок. Сломанный нож, пустые гильзы, пачка из-под табачных палочек...

– Смотри! – крикнул проводник, останавливаясь посреди двора.

Квинт подошел. Араб разгреб нанесенный ветром песок, наружу выступил черный слой золы. Костер, что пылал здесь не так давно, был огромен. Вполне пригодный для того, чтобы сжечь несколько десятков трупов. Квинт присел на корточки и тронул пальцами пепел. Жирный пепел. Он знал этот запах – запах погребального костра. Кто-то вывез трупы погибших римлян из Нисибиса и сжег здесь. Недаром среди беженцев ходили упорные слухи, что прежде чем Нисибис исчез с лица земли, на горизонте полыхал еще один пожар. Они ошибались. Это был не пожар. Это был погребальный костер. Вот почему за несколько часов до взрыва в разграбленном Нисибисе не нашли ни одного мертвого преторианца.

Квинт вздохнул. Скорее всего, тело Цезаря было сожжено вместе с остальными. Неясно только, кто сжег тела и куда увезли прах покойных. А то, что большая часть праха собрана, заметить было нетрудно. На всякий случай Квинт собрал в мешок немного золы. Если ему не удастся отыскать остальной пепел, то для совершения необходимых обрядов сойдет и этот.

Глава II

Августовские игры 1975 года (продолжение)

«Речь императора Руфина приведена без сокращений. Один из охранников лаборатории Триона в Вероне подтвердил, что не раз отвозил академика во дворец для тайных встреч с императором».

«Горстка храбрецов держалась против целой армии варваров несколько месяцев. Но император не пришел им на помощь. Как Риму искупить свою вину перед погибшими?»

«Император Марк Руфин Мессий Деций Август скончался вчера в 17 часов 12 минут».

«Акта Диурна», 16-й день до Календ сентября⁵

I

Сервилия металась в клетке таблина, выкрикивая непрерывно: «Орк! Орк! Орк!» Неужели она должна заискивать перед Летицией? Ах, видишь ли, эта юная мегера – мать императора! Ах, скажите на милость, она еще и Августа! Подумать только – дочь гения Империи! Стоило Летиции узнать о своем происхождении, как голова ее закружилась от восторга. Забыла, неблагодарная, что всем в жизни обязана Сервилии! Дочурка беззастенчиво ограбила мать, купила себе муженька-калеку, родила сына-недоноска. Муженек сгинул, сын вырастет придурком. Элий принес Летиции одни несчастья – точь-в-точь как предсказывала Сервилия. А еще Сервилия предскажет, что Постум вырастет подлецом. Предскажет и не ошибется.

– Я всегда права, – проговорила Сервилия вслух, утверждая свое торжество.

Да, торжество было. А радости – нет.

И приходу Бенита она не обрадовалась. Он возник на пороге нагло ухмыляющийся, самодовольный, и, разумеется, в тоге с пурпурной полосой. На ногах – красные сенаторские башмаки, украшенные серебряными полумесяцами.

– Как успехи? – Сервилия улыбнулась, пытаясь скрыть раздражение.

– Отлично. Все напуганы, не знают что делать, бормочут ерунду. Радуются, что у нас есть император. Право, какое счастье, что твоя дочурка родила этого пискуна. А так бы сенат сошел с ума, гадая, кому всучить высшую власть.

– Разве малыш Постум может управлять Римом, лежа в колыбели?

– Какая мудрая мысль! – расхохотался Бенит. – И теперь вопрос – где найти умного и стоящего человека, который мог бы взвалить на свои плечи тяжкий груз управления Империей. Если сенат продолжает еще работать, то только благодаря мне. Я заставляю этих горлодеров их принимать нужные законы. Иначе бы они все дни напролет спорили, кого назначить диктатором.

– Твое имя еще не называли? – спросила Сервилия. В ее вопросе прозвучала невольная насмешка. Но Бенит воспринял слова всерьез.

– Не надо так торопиться, к завтрашнему утру малыш Постум не повзрослеет. Так что время у меня есть.

– Кто бы сомневался: когда-нибудь и тебя сенат изберет диктатором. – Опять она насмешничала, и опять Бенит принял ее слова за чистую монету.

⁵ 17 августа.

– Язви, сколько влезет, но помни: за тобой должок. Твоя дочурка ускользнула. Хотя ты и клялась, что она от меня без ума.

– Летиция опять свободна. Можешь жениться на вдовушке, – Сервилия усмехнулась, представив ярость Летиции, когда с ней заговорят о сватовстве Бенита. И эта мысль доставила ей если не радость, то удовлетворение.

– Я бы женился, – согласился Бенит. – Но Летиция недавно надела траур. Рим такой поспешности не поймет. В роли моей жены ты будешь смотреться куда лучше. Летти – соплячка, рядом с нею я буду выглядеть молокососом. Но с достойной матроной я стану солидным мужем. Мне срочно необходима солидность. Я слишком молод.

До Сервилии не сразу дошел смысл его слов. О чем он говорит? Чего хочет? Чтобы она... Ну да, он предлагает ей, Сервилии, стать его женой.

– Уж не знаю, что и ответить, я польщена... – Она искала благовидный предлог, чтобы его выставить. Да, он привлекал ее и одновременно отталкивал... Но, пожалуй, отталкивал сильнее...

– Ответь «да»! – Бенит сгреб ее в охапку.

Сервилия испуганно ойкнула. Поцелуй был страстным, объятия – грубыми. Бенит старался поразить своей животной страстью. Сервилия не сопротивлялась. Ее всегда влекло к молодым и страстным любовникам.

– Ты надеешься на мою помощь? – спросила Сервилия, когда они уже отдыхали, бесстыдно раскинувшись на ложе обнаженными. Он – покуривая табачную палочку, она – устроив голову на сгибе его руки. Гладкое тело Бенита уже начинало заплывать жирком, заметно обозначился животик. Но ей нравились солидные мужчины.

– И на помощь твоих стихоплетов, что являются к тебе пожрать на дармовщинку, – добавил Бенит.

– Не любишь поэтов? – деланно изумилась Сервилия.

– Я – сам поэт, – гордо отвечал Бенит. – И не люблю слюнтяев и врунов.

«А он далеко пойдет», – в который раз подумала Сервилия.

Поначалу эта мысль стать женой Бенита показалась ей безумной. Потом, с каждой минутой, все более приемлемой, и, наконец, даже заманчивой.

Сегодня она еще не скажет «да». Но это не означает, что она не даст согласия потом.

II

В добротном старом доме сенатора Макция Проба в большом триклинии слуги накрыли стол: расставили вазы с фруктами и бисквитами, наполнили бокалы вином и удалились. Макций Проб ждал гостей, но вряд ли он собирался сегодня веселиться.

Внук Макция Проба Марк – молодой человек с бледным, будто чересчур отмытым лицом, оделся вовсе не для званого обеда – белая трикотажная туника и белые брюки до колен куда больше подходили для загородной прогулки. Возможно, Марк Проб не хотел, чтобы его форма центуриона вигилов придавала нынешнему вечеру некий официальный статус. Потому что предстоящая встреча была сугубо частной, хотя преследовала отнюдь не личные цели. Марк Проб был уверен, что на приглашения деда никто не откликнется. Он был уверен в этом до той минуты, пока золоченые двери в триклиний не отворилась, и не вошел сенатор Луций Галл, опять же не в senatorской тоге, а в пестрой двуцветной тунике, уместной на отдыхе в Байях, но не на вечерних приемах в Риме. Луция Галла совсем недавно избрали в сенат, и после Бенита он был самым молодым сенатором. Он не сомневался в том, что одна яркая речь может перевернуть целый мир, и верил, что ему удастся произнести эту эпохальную речь. Он вообще повсюду кидался спорить – в тавернах, на улицах, в театре, в Колизее с репортерами,

прохожими, продавцами, гладиаторами и актерами, не всегда успешно, часто проигрывая и сильно переживая по поводу поражения в словесной перепалке.

Тонкими чертами лица, острыми скулами и высоким лбом Галл походил на Элия. Но сходство это было чисто внешним. Так же как желание яростно сражаться за истину. В Луции проглядывала главная черта истинного римлянина – намерение двигаться вверх по иерархической лестнице в погоне за самой сладостной добычей – властью. Галл и не пытался это скрыть. Его имя должно быть занесено в консульские фасты, выбито на мраморной доске, дабы люди говорили потом: «В год консульства Луция Галла произошло то-то и то-то».

Элий же был гладиатором, который сам придумывал и клеймил желания для Рима. Не только на арене, но повсюду...

Вслед за Луцием Галлом явилась Юлия Кумская, что само по себе было удивительно – и то, что она пришла, и то, что явилась на три минуты раньше назначенного времени, хотя весь Рим знал, что она опаздывает всегда и всюду. При каждом движении шурша платьем из плотного шелка, распространяя убийственных запах галльских духов, она уселась на ложе рядом с Макцием и закурила табачную палочку.

Третьим пожаловал префект римских вигилов Курций – злой, недовольный тем, что его оторвали от срочных дел, он обвел присутствующих подозрительным взглядом. И тогда Марк Проб по-настоящему испугался. В глубине души желал, чтобы никто из приглашенных не явился, чтобы все проигнорировало странное приглашения старика-сенатора. Принятие приглашения означало одно – эти люди боялись. Они сбивались в кучу, как стадо испуганных баранов. Священных баранов... Наконец явился Марк Габиний и за ним сразу сенатор Флакк – сумрачный, желчный и очень умный старик. Впрочем, стариком его называли скорее из-за консервативных взглядов, нежели из-за возраста. Но и в молодости, как и сейчас Флакк был ярким сторонником партии оптиматов ⁶, причем самого правого ее крыла. Популяры ⁷ его побаивались, а авентинцы ⁸ открыто ненавидели. Весталка Валерия немного опоздала, что с ней случалось редко. Она сильно похудела, лицо сделалось белым, почти прозрачным. Рассказывали, что после смерти Элия она несколько дней лежала неподвижно в своей комнате, не ела и почти не пила. Многие думали, что она решила уморить себя голодом. Но потом ей передали письмо от кого-то из друзей. Она прочла и встала. И вновь начала есть.

Последней в комнату вошла Норма Галликан. Ее живот, выпиравший под черной туникой, невольно притягивал взгляды.

Все приглашенные были в сборе. Никто не отказался придти.

Макций Проб откашлялся и проговорил ровным, чуть надтреснутым старческим голосом:

– Император Руфин умер. В Риме новый Август. Император, которому месяц и несколько дней от рождения.

– Ну и что из этого! – слишком уж вызывающе воскликнул Луций Галл, пользуясь тем, что он не на заседании сената и ему не надо ждать, пока выскажутся старшие коллеги. – У нас есть консулы и пусть они исполняют свои обязанности, заботясь, чтобы республика ни в чем не понесла ущерба! ⁹

Луций Галл был членом партии популяров и всегда именовал Рим республикой. Но сейчас его возглас прозвучал как шутка, причем весьма неудачная.

– Консулы будут исполнять свои обязанности, – сухо отвечал Макций Проб. – Но согласно конституции полномочия императора не могут быть переданы консулам. На месте

⁶ Оптиматы – консервативная аристократическая партия.

⁷ Популяры – демократическая партия.

⁸ Авентинцы – радикальная левая партия.

⁹ Формула, которую он произнес, относилась к тем временам, когда консулы получали от сената особые полномочия (введение чрезвычайного положения).

императора может быть молодой неопытный человек – система не позволит наделать ему ошибок. Но младенец не может принимать решения и подписывать эдикты. По конституции, если император не способен выполнять свои функции, его власть передается диктатору сроком до пяти лет. По закону этот пост переходит ближайшему родственнику по мужской линии, опекуну императора. Но... в данный момент у нас нет родственников императора. Ни одного. Вернее, есть один – Валерин. Но он слишком стар, чтобы править Империей. Надо решить, кому будет передана власть, пока Постум не подрастет.

– Его матери, – хихикнул Галл.

– Уж лучше сразу мачехе, – предложил Марк Габиний – никто не ожидал, что ему тоже захочется шутить.

– В Риме все хотят власти, а править некому, – буркнул сенатор Флакк.

– Некому... – повторил Макций Проб. – Вы, собравшиеся здесь, самые честные уважаемые люди Рима. И я хочу, чтобы вы высказались без оглядки и утайки. Возможно, нам удастся найти какое-то приемлемое решение.

– Сенат выберет кого-то из своего состава, – предположила Валерия. – И это не самое худшее решение. Пусть выбирают.

– Я в принципе против выборов, – заявил Флакк. – Я бы не стал выбирать и сенат. Есть другие способы выдвижения достойных ¹⁰.

– А я бы отдала власть Летиции, – предложила Юлия Кумская. – Девочка не глупа. И может справиться с этой ролью не хуже, чем с любой другой.

– Это не роль! – назидательно произнес Луций Галл.

– Разве? – Юлия Кумская удивилась вполне искренне.

– Летиции шестнадцать лет, – вмешалась Норма Галликан. – Она думает и говорит только об Элии. Ничто ее больше не волнует. Даже собственный сын. Возможно, позже она придет в себя. Но все равно она слишком эмоциональна, слишком порывиста. Нет, она не подойдет.

– Вы мне лучше скажите, зачем Элий поперся с этой дурацкой инспекцией крепостей в Месопотамии. Или у нас мало военных инженеров, чтобы возглавить подобную комиссию! – внезапно вознегодовал Луций Галл.

– Предсказание Сивиллиных книг. «Новую стену Рима должно построить в Нисибисе». – Валерия тут же кинулась на защиту чести погибшего брата. – Или ты забыл? Предсказание вело его в Нисибис. Кто из вас, скажите на милость, смог *так* сражаться?!

– Элий умер. Не будем говорить о нем, – вмешался Макций Проб. – Лучше ищите решение.

Но Марк Проб в отличие от старика не удержался, чтобы не напомнить:

– В Месопотамию Элия послал Руфин, послал намеренно, а потом не спешил прийти на помощь.

– Руфин тоже умер. Так что и о нем не стоит говорить. – Макцию Пробу никак не удалось погасить искры вспыхнувшего спора. – Ищите решение! – вновь бесцветным надтреснутым голосом приказал сенатор.

– Я нашел! – воскликнул Марк Проб. – Нам нужно решение не столько умное, сколько простое. То, которое вызовет наименьшее противодействие. Так вот, я предлагаю: пока Постуму не исполнится двадцать лет, назначать диктатором-опекуном самого старого сенатора.

Флакк зааплодировал:

– О, премудрость! Какое глубокомысленное решение! Ведь самым старым сенатором является Макций Проб.

– Я... я не имел в виду это... то есть... – смутился Марк.

¹⁰ В Древнем Риме и во времена Республики, и во времена Империи сенат не избирался, а назначался.

– Все нормально. Не стоит так переживать, Марк! – воскликнула Норма Галликан. – Сенатор Макций не сможет быть диктатором двадцать лет, его сменит другой, потом еще и еще. Главное, не нужны выборы, и твердо оговорена очередность. Я – за подобное решение. К тому же оно напоминает древний обычай, когда сенат ожидал избрания царя и сенаторы по очереди исполняли царские обязанности.

– А я против! – возмутился Луций Галл. – Монголы нанесли Риму страшное поражение...

– Трион нанес Риму страшное поражение, – поправила его Норма Галликан.

– Неважно! – отмахнулся Галл. – И тут мы назначаем диктатором старика и главное не одного, а целую вереницу стариков, отдавая им власть на двадцать лет. Как раз в то время, когда республике нужны сильные молодые инициативные люди!

– Мы думаем о том, как нанести системе минимальный вред, – покачал головой Макций Проб. – Устоит система, устроит и Рим. Август вырастет, и мы получим бодрого и энергичного правителя. Сейчас же речь идет о сохранении конструкции. Вот что важно: сохранить проверенную веками основу. Власть как таковая меня не интересует.

– Ну да, конечно! – хмыкнул Флакк. – На овощи зарится, а сало хватает! ¹¹

– Но мы можем выбрать диктатора на эти пять лет! – запротестовал Галл. – Потом еще на пять...

– В данном случае выборы неприемлемы. По конституции император получает власть по наследству. Сенат может отстранить его или наследника только в том случае, если Август совершил уголовно наказуемое тяжкое преступление. Сенат утверждает консулов, но не императоров.

– Но зачем? Зачем брать худшее, когда можно выбрать лучшее, – не унимался Галл.

– Чтобы выбрать лучшее, надо знать, из чего выбирать. Нельзя выбирать между абсолютным нулем и температурой плазмы. Люди могут объективно сравнить лишь плюс пять и плюс десять, все остальное не выборы, а хаос.

– Тебе так хочется получить власть, Макций Проб? – съязвил Луций Галл.

– Мне хочется сберечь Рим, – сухо отвечал старик.

– Запомни, Макций, что я был против! – И Луций Галл демонстративно вышел из триклиния.

– Кто-нибудь хочет еще высказаться? – Голос старого сенатора был по-прежнему ровен.

– Я за предложение Марка, – сказала Валерия.

– Вы наверняка все удивитесь, но я тоже, – поддержал весталку сенатор Флакк. – Потому что следующим займу пост я. Будем беззастенчивы, раз наступили такие времена.

III

Минерва обнаружила, что не помнит, чему равна скорость света. Напрасно она хмурила брови, напрасно прикладывала палец ко лбу – цифра вылетела из памяти начисто. Боги на то и боги, чтобы знать все. Нет в Небесном дворце справочников, небожителям они ни к чему. Минерва в отчаянии кусала губы. Как назло, значение скорости света было ей сейчас необходимо. Юпитер требовал расчеты для задуманного предприятия. Что же делать? Спросить у кого-нибудь? Аполлон ответит, конечно, но... Какой позор! Она, богиня мудрости, не знает простейших вещей!

Что-то такое шевельнулось в мозгу... мелькнула цифра...

– Не хочешь с нами пообедать? – спросила Юнона, заглядывая в покои Минервы.

Готовая всплыть в памяти цифра тут же улетучилась.

– Не хочу, – не слишком любезно буркнула Минерва.

¹¹ Римская поговорка.

– А зря. Говорят, амброзия восстанавливает память, – хихикнула Юнона. – Кстати, ты уже сделала нужные расчеты?

Голова супруги Юпитера была обмотана шелковым платком, из которого во все стороны торчали павлиньи перья. Последние дни Юнона повсюду появлялась в этом странном головном уборе.

– Скоро будут готовы, – прошипела Минерва.

– Я пришлю тебе амброзии с Ганимедом, – пообещала Юнона, удалясь.

Минерва вздохнула с облегчением и растянулась на ложе, заложив руки за голову. Итак, если представить, что она – это поток фотонов, и тогда скорость света...

– Минерва! – раздался голос Беллоны над самым ухом.

– Ну что еще! – Богиня мудрости вскочила.

Беллона была красной тунике и в доспехах, наряженная, будто преторианский гвардеец.

– Видела Юнону? – смеясь, спросила Беллона.

– Да, только что.

– А знаешь, почему она накрутила этот дурацкий платок на голову?

– Юнона мне этого не сказала.

– Да потому что вместо волос у нее теперь растут павлиньи перья. То есть волосы тоже растут. Но попеременно с перьями.

Минерва невольно поправила прическу.

– И... давно это?

– Я узнала только сегодня. Надо будет при случае стащить с Юноны платок. Вот будет потеха! – происходящее Беллону явно забавляло.

– Да не о том я! Давно ли у нее стали расти перья?!

Беллона пожала плечами.

– Юнона начала закрывать голову уже в июле, – вспомнила Минерва. – Значит, перья появились сразу после взрыва Урановой бомбы в Нисибисе. – Она невольно посмотрела на свои руки, потом вновь поправила волосы.

Беллона прекратила смеяться.

– Ты думаешь... – не договорила, подбежала к зеркалу, принялась перебирать черные, как смоль, пряди. – У меня никаких перьев нет...

– Ах, вот вы где! – пророкотал Марс, вваливаясь без стука в покои сестрицы. Он был в доспехах, как и Беллона, покрыт пылью, физиономия кирпичная, загорелая. И пахло от бога него отнюдь не божественно.

– Опять шлялся на землю, – сморщила нос Минерва, – опять ввязался в драку, чтобы отведать человеческой крови.

– А вот и не угадала! – засмеялся Марс. – Я спасал мир от варваров.

– Не поняла... – Минерва нахмурилась.

– Что-то ты поглупела, сестрица! – Марс самодовольно рассмеялся. – Папаша выселил на землю гениев, наш мир пуст, как кратер после хорошей вечеринки. Так?

– Ну, так...

– А варварские божества, как ты думаешь, будут смотреть на это спокойно? Да они тут же захватят все, до самой Атлантики. Вот я и воздвиг перед ними стену. Совершенно непреодолимую. – Марс свысока глянул на богинь.

– Римляне проиграли... – напонила Минерва. – Стена мужества...

– Да о чем ты болтаешь, сестрица? Мужество, смелость... все это ерунда! Как бог войны ответственно тебе заявляю: чушь! Я построил стену из радиоактивного следа от урановой бомбы. Через него ни один из монгольских духов лесов и рек, гор или долин не проскочит в наши края. А ты думаешь, почему Субудай повернул назад и не пошел на Антиохию? Из-за того, что несколько сотен римлян погибли в каком-то занюханном городке? Нет! Это стена

Триона не пропустила чужих божеств. Ну а без них варвары не пойдут вперед. Римский мир пуст, но не завоеван.

– Я думала, это будет стена Элия...

– Элий тоже так думал, – хихикнул Марс. – Не все равно, кого использовать – Элия или Триона. Триона даже проще. Элий тоже сослужил службу – сыграл роль приманки. Каждому кажется, что он исполняет роль героя. Никто не догадывается, что служит всего лишь червяком на крючке.

– И как же ты построил? Сам взорвал бомбу? – поинтересовалась Беллона.

– А ты еще глупее, чем Минерва! Разумеется, нет. Я всего лишь внушил Корнелию Икелу мысль, что надо помочь Триону смыться. И бежать не куда-нибудь, а к самому Чингисхану. Монголы вообразили, что получили в свои руки смертоносное оружие...

– Но они, в самом деле получили страшное оружие.

– Это ерунда. Главное – стена.

– Но Z-лучи действуют и на богов, – напомнила Минерва.

– Не надо лезть, куда не надо, и все будет отлично...

– Ты верно, братец, проголодался с дороги? – спросила Минерва ледяным тоном.

– Да уж, я бы сейчас от амброзии не отказался!

– Юнона приглашала тебя на обед.

– Очень кстати! – Марс радостно потер руки.

– Только не забудь принять ванну. А то от тебя смердит. И расскажи папочке и мамочке о своей стене.

– Не волнуйся, расскажу, – пообещал Марс. – А ты, небось, завидуешь.

Беллона отвернулась, чтобы не расхохотаться.

– Чего ты там строишь рожи? – презрительно фыркнул Марс. – Это вы с хитрецом Меркурием делали ставку на сосунка Логоса. А что вышло? Он тут же обделался. Теперь, говорят, Логос от большого ума свихнулся и не узнает даже собственную мамашу.

– Ты опоздаешь на обед, – напомнила Минерва.

– Я отрежу ему яйца, если у меня на голове вырастут перья вместо волос, – пообещала Беллона, едва дверь за «бурным» богом закрылась.

– Послушай, а не отправиться ли и нам на обед к Юпитеру. Думаю, там будет весело, – задумчиво проговорила Минерва.

– Громче всех будет хохотать Юнона, – предположила Беллона.

– Так, сейчас я переоденусь, и мы идем...

Но богини только успели выбраться в коридор, когда весь Небесный дворец содрогнулся, от основания до конька крыши.

– Братец, судя по всему, решил не мыться, а сразу побежал хвастаться подвигами, – предположила Минерва.

– Или ты слишком долго переодевалась, – съязвила Беллона.

Тут вновь грохнуло, дрогнули стены, и по коридору с выпученными глазами промчался Марс. Туника на нем дымилась. Левой рукой бог зажимал щеку. Но все равно видно было, что лиц обожжено до кости.

В конце коридора появился Юпитер. Лицо у него было красное, борода встала дыбом, волосы реяли вокруг головы. Минерва дотронулась до стены, и от ее прикосновения образовалась глубокая ниша. Богини тут же в нее нырнули. В следующую секунду мимо них пронесся клубок фиолетовых молний. Судя по визгу на другом конце коридора, удар из перуна Юпитера достиг цели.

– Кажется, мой братец узнал, что означает «Юпитер сердится».

– А Юнона...

– Нет, нет, при мести Юноны я присутствовать не хочу, – поспешно заявила Минерва.

Вновь мимо пронеслись несколько молний. Но эти разряды были куда слабее. Да и Марс успел спрятаться в своих покоях.

– Я вспомнила! – воскликнула богиня мудрости. – Я вспомнила, чему равна скорость света...

Глава III

Августовские игры 1975 года (продолжение)

«Сегодня состоятся похороны императора Руфина».

«Судя по всему, монголы покинули территорию Содружества. Шестой легион до нормализации обстановки останется в Месопотамии. Срочно возводятся пограничные укрепления. Первый Месопотамский легион царя Эрудия доукомплектовывается».

«Вчера в день Вулкана и кузнецов повсюду горели костры, жертвами народ выкупал себя от пожаров. Состоялись так же скачки в Большом цирке – никакие беды не могут заставить Рим отказаться от его традиций».

«Большой Совет принял решение о возмещении ущерба гражданам Содружества, пострадавшим в результате рейда монголов».

«Акта диурна», 9-й день до Календ сентября¹²

I

С утра по улицам Города разносились крики глашатая:

– Смерть похитила императора. Кто может, пусть проводит Марка Руфина Мессия Деция Августа, его выносят из дома.

Толпы народа стекались к Палатину. Фасад дворца, обычно сверкающий позолотой, теперь сплошь покрывали еловые и кипарисовые венки. Все пространство между Большим цирком и дворцом императора было затоплено народом. Люди взобрались на крыши стеклянных лавок, что шли сплошной галереей по наружной стене цирка. Всем хотелось посмотреть на грандиозное шествие. Наконец из дверей Палатинского дворца вышла процессия. Впереди музыканты, за ними плакальщицы, и наконец актеры. Один из лицедеев, в пурпурной тоге и раскрашенной маске, в дубовом венке на редких волосах, старательно подражал походке и жестам императора.

– Эй, ребята, не печальтесь! – кричал актер собравшимся квиритам. – Я, конечно, был не так велик, как Юлий Цезарь, но похороны у меня куда пышнее! Эй, диссигнатор! – обратился актер к распорядителю похорон. – На мое тело не забыли надеть дубовый венок? Я не богу предстать перед моими божественными предками без венка.

– На твое тело надели не только венок, но и парик, – отозвался актер, изображавший императора Корнелия.

За «императором» шествовали другие актеры тоже в масках и пурпуре, изображая предков Руфина, императоров из рода Дециев, начиная с основателей династии Траяна Деция и его сына Гостилиана, и кончая отцом покойного. Наряженные в пурпур или в одежды триумфаторов, расшитые золотыми пальмовыми ветвями, «предки» всходили на золоченые колесницы, и ликторы с пучками фасций на плечах сопровождали знаменитых «властителей» Рима.

Их было так много, что процессия двигалась несколько часов. Сотни факельщиков несли восковые свечи и еловые факелы. Наконец вынесли украшенные пурпуром и расшитые золотыми пальмовыми ветвями носилки Руфина – покойный император был удостоен триумфа за победу в Третьей Северной войне. На носилках несли доспехи викингов – трофеи, якобы

¹² 24 августа.

добытые Руфином на поле брани, хотя лично покойный не принял участия ни в одном сражении, а если где и побывал, то разве что в окопах, когда «вики» уже отступили.

За носилками двинулись родственники Руфина. Их одежда из некрашенной темной шерсти на фоне сверкающей пурпуром и золотом процессии предков казалась особенно мрачной. Инвалидную коляску старика Викторина толкала Мелия, а следом шла Летиция с непокрытой головой, держа на руках малыша Постума, закутанного в темные пеленки. Криспина старалась идти рядом, не желая уступать крошечному императору законного первого места, и демонстративно старалась поднять повыше маленькую Руфину, которая никого в Риме не интересовала. И это несоответствие казавшейся бесконечной процессии предков и жалкой кучки родственников так поразила римлян, что все голоса смолкли, и воцарилось тягостное молчание. Ощущением неминуемой грядущей беды нависло над Римом. Лишь вопли плакальщиц, да звуки труб, доносившиеся уже с улицы Триумфаторов, напоминали о том, что процессия сейчас выйдет к Колизею и свернет на Священную дорогу.

На форуме труп императора вынули из носилок и поставили стоймя, предки-актеры сошли с колесниц и уселись в курульные кресла, украшенные золотом, пурпуром и слоновой костью. Теперь сын или ближайший родственник покойного должен был подняться на ростры и перечислить его заслуги. И этим родственником оказался Валерин – его коляску вкатили на ораторскую трибуну, и старик начал перечислять заслуги императора перед собравшейся толпой. Динамики лишь усиливали дребезжанье его старческого голоса. Неожиданно кто-то крикнул:

– Глядите, какой старенький сын у Руфина!

И смех непочтительный, гадкий, пополз по форуму.

– Не надо ему было рассказывать правду о Трионе, – шепнула Криспина и с ненавистью посмотрела на Летицию, как на главную виновницу смуты.

Летиция не ответила. В одно мгновение ей показалось, что она присутствует на похоронах не Руфина, а Элия, и ее захлестнула такая тоска, будто она погружалась в ледяные воды Стикса, и ладья Харона плыла ей навстречу. Свет померк. И вместо жаркого дня нахлынул мерзкий пронизывающий холод.

– Пусть Постум скажет речь! – крикнул кто-то в толпе, и крик этот вернул Летицию к реальности. – Он наследник. Мы хотим его послушать. Пусть перечислит заслуги умершего.

И тут младенец на руках Летиции разразился отчаянным ревом.

– Он говорит, как умеет! – выкрикнула Летиция. – И куда лучше многих наглецов!

И смех в толпе смолк.

II

С утра было солнечно. После полудня набежали тучи. Хлынул дождь сплошной стеною. Тысячи, миллионы стеклянных копий обрушились на Вечный город. Струи дождя растрепали кипарисы, превратив их в черные метелки, струи дождя смешались со струями бесчисленных фонтанов. Вода шумела в водостоках и наполняла сердца тревогой пополам с печалью. Дождь залил остатки погребального костра. Кости Руфина не успели сгореть, и их пришлось ломать, чтобы сложить в погребальную урну. Пурпур сделался тяжел и черен, шерстяные тоги ледяными доспехами льнули к телу. Динамики внезапно онемели. Сделалось очень тихо, и только шум дождя наполнял Вечный город. Шум дождя и шум шагов. Ни крика, ни даже шепота. Ненастье загоняло людей в дома, каждого в свою нору. Вместе с мокрой одеждой и мокрыми сандалиями к очагу ложились черными псами Печаль и Тревога. Никто не знал, что принесет завтрашний день. Прежде над Римом была простерта охранительная рука. Теперь она исчезла. Дождь лил и лил. Вечный город будто вымер. Лишь немногочисленные авто, вздымая фонтаны брызг, сновали по безлюдным улицам, и желтые их огни только усиливали тревогу.

Арриетта смотрела из окна на залитый водою сад. Хорошо, что она не пошла на похороны. Хорошо сидеть в теплой комнате, вертеть в пальцах стило и чиркать бумагу. В конце концов, какое ей дело до того, кто правит Римом? Куда больше ее занимает отзыв «ценителя», начертанный красивым почерком на первой странице ее книжки.

Гимп плескался в ванной и что-то напевал. М-да, с его голосом не поступишь в Одеон¹³. А жаль...

Дождь кончился часам к четырем. Но вода еще шумела в водостоках, еще стекала с крыш. И тучи по-прежнему нависали над Римом.

– Я должен пойти на похороны Руфина, – сказал Гимп.

Он вошел к ней в комнату в темной траурной тоге из некрашеной шерсти. И где он ее только раздобыл? Заказал заранее?

«На мои деньги», – отметила про себя Арриетта.

– Костер уже погас? – спросил Гимп.

– Радио молчит с полудня.

– Проводи меня, – попросил Гимп.

– Тебе так надо идти?

– Я – гений Империи, – напомнил он. – Сегодня хоронят императора.

Они вышли на улицу. Черный пес, обливающий угол фундамента, рассерженно гавкнул, и устремился к ним огромными прыжками. Почуял гения, собака...

Гимп, услышав злобный рык, предостерегающе поднял руку. Пес послушно приник к земле, заскулил и пополз назад, царапая когтями мостовую.

– Теперь пошли скорее. – Гимп стиснул плечо Арриетты. – И будь внимательна.

Фонари уже горели. Но как-то тускло. Бледный свет струился через силу. Почему-то отражения в лужах были гораздо ярче, желтее, злее. Когда Арриетта и Гимп проходили, отражения выскакивали из одной лужи и спешно шлепались в соседнюю, и плыли за людьми, постепенно отставая. Стихи о лужах писать просто – отражения притягательны для поэтов. Отраженный свет луны манит, а блеск солнца... Блеск солнца...

Арриетта задумалась о свете и рифмах, и не заметила ловушки. Вернее, она проскочила, а ее слепой спутник угодил в разинутую пасть двумя ногами. Гимп рванулся, и чуть не упал. Ноги его по щиколотку были погружены в непроницаемую черноту. Лужа, в которую он угодил, казалась густой и... немного выпуклой.

– Орк! Мы влипли! – закричал Гимп.

Арриетта невольно передернулась. Голос гения был, как наждак.

– Только ты.

– Ах, вот как! Приятно слышать, что тебе повезло. Скажи на милость, зачем мне тогда проводник? Так вляпаться я мог и без твоей помощи.

Его упрёки были справедливы. Но от этого ничего не менялось. Ловушка держала его мертвой хваткой. Черная лужа вокруг ног морщилась от усилия, но отпустить не собиралась.

– Я побуду здесь. Не знаю, долго ли выдержу. Но пока я с тобой, – пообещала Арриетта.

– Зачем? – Гимп поднял голову. Незрячие глаза смотрели в черное небо без звезд. Фонари столпились вокруг. В той луже, где стоял Гимп, не плавало ни одного отражения.

– Я буду читать тебе стихи, пока ОНИ не придут...

– А потом?

– Потом не знаю. Наверное, убегу. Может быть даже раньше убегу. Я еще не знаю, насколько я смелая.

– Так не пойдет.

Гимп вынул из кармана какой-то кругляк.

¹³ Одеон – музыкальный театр на Марсовом поле.

– Подожди. – Он протянул ей зажигалку.

Она не позволила себе догадаться, что это такое. Руки дрожали. Только с третьего раза синий тщедушный огонек прилепился к пороссячьему хвосту, торчащему из кругляка.

– Отойди. Когда жажнет – вернешься, дотащишь меня до дома.

Фитиль, шипя, обгорал... Огонек подобрался уже к самому кругляку.

Свободной рукой Гимп снял с себя пояс и отдал Арриетте.

– Ноги перетяни ремнем... А то кровью истеку.

– А если не успею? Если они раньше...

Он не ответил – бросил взрывчатку себе под ноги.

Рвануло несильно – пламя, шипя, брызнуло во все стороны. Повалил дым, вонючий и необыкновенно густой. Лужа раздалась – будто в черной ее непроглядности открылся огромный красный рот, и рот этот вопил от ужаса. Арриетта слышала вопль и вполне различимый выкрик: «Н см-м-м!». Лужа отпустила Гимпа за мгновение до того, как раздался взрыв. Гимп рванулся вверх и вбок. Его накрыло уже в прыжке. Рассадило обе ноги. А от лужи не осталось ничего – несколько черных липких ошметков на стене ближайшего дома. Стекла в окнах лопнули, посыпались осколки. Где-то далеко завывала сирена «Неспящих». Арриетта кинулась к гению. Гимп лежал в десятке футов от ловушки. Ноги его были красны от крови, края туники тлели, сворачиваясь черными лоскутами. Арриетта перетянула ремнем левую ногу, что пострадала куда больше правой, ухватила Гимпа под мышки и поволокла. Ума достало оглядываться – куда ступает, не то бы они точнехонько вдвоем угодили во вторую ловушку. Та в ужасе посторонилась, будто уже знала о кончине первой. Арриетте почудилось даже, что черная лужа провожает ее неприязненным взглядом. Взгляд она ощутила точно. От него холодом прожгло меж лопаток. Как все просто. Проще некуда. Ловушка – обычная лужа. Только в ней не отражаются фонари.

Гимп молчал. Но он был в сознании – кусал губы. Знал, что кричать нельзя. Ловцы тогда быстрее сбегутся. Лицо раненого гримасничало, то одна щека набухала, то другая, давясь криком. Арриетта вся взмокла, пока тащила гения. До ее дома оставалось шагов двадцать, когда она расслышала странный хруст, будто кто-то шел, ступая по тонкой наледи на лужах.

– Они... – шепнула зачем-то.

Гимп не ответил, изо всех сил оттолкнулся изуродованными ногами от земли. Арриетта едва не упала.

ХРУП... ХРУП...

Арриетте вдруг захотелось замедлиться и поглядеть, какие они, ловцы. Сравнить... Говорят, краше них нет никого на свете. Они могут все. Гораздо больше, чем боги. Но она пересилила себя и, напротив, ускорила шаги. Она буквально валилась вперед – дрожание от напряжения ноги не поспевали. Спиною толкнула дверь, перевалила тело через порог. И тут Гимп не выдержал и завыл. По-звериному, истошно, и страшно.

Арриетта обернулась. Увидела преследователей. Один впереди... Люди или... нелюди? Арриетта не успела ничего разглядеть – навалилась на дверь изнутри и замкнула засов. А они ломились следом.

Она кинулась к телефону.

– «Неспящие»! – вопила в трубку, хотя в трубке лишь противно ныли гудки. – Ко мне в дом рвутся грабители... здесь рядом... минута... ну максимум две... Скорее...

– Не надо вигилов, – прохрипел Гимп. – Читай стихи.

ХРУП... ХРУП... – слышалось за дверью.

– Какие? – взвизгнула от ужаса Арриетта.

– «Метаморфозы» Овидия. Они их терпеть не могут.

– Что именно?

– Что хочешь... что вспомнишь... Читай!

Арриетта приникла губами к замочной скважине и зашептала:

«Кисти в копыта ему превратила, а руки – в оленьи
Длинные ноги, всего же покрыла пятнистою шерстью,
В нем возбудила и страх». ¹⁴

ХРУП... ХРУП... – послышалось, удаляясь.

– «Служба «неспящих» слушает... – сообщила телефонная трубка, продолжая раскачиваться на проводе.

У Арриетты не было сил ответить.

III

В маленьком домике на окраине поселились двое. Женщина и ее сын, молодой и красивый слепец. Им сочувствовали. Женщина была молода. Или просто выглядела моложаво? С сыном они казались ровесниками. Поговаривали, что эти двое попали под действие урановой бомбы. Оттого женщина вновь сделалась молодой, а мужчина ослеп. Соседи приносили им еду. Денег не брали. Однако и в разговоры не вступали, торопились уйти. Боялись чего-то. Всякий раз по утрам женщина находила подsunутые под дверь купюры в десять или пятьдесят сестерциев. Иногда сотню.

Юний Вер казался себе отвратительным и жалким. Изломанным, расплюснутым, будто внутри не осталось костей, кожа превратилась в мешок, и в этот мешок собрали то, что называется плотью. И в то же время он даже не был серьезно ранен. Порезы на руках и плечах, оставленные мечом Сульде, никак нельзя было назвать ранами. Это были метки, знаки сокрушительного поражения. Чтобы оправиться от поражения, нужно время. Слишком много времени. Логос бессмертен и кажется, что времени бесконечно много. Но это обман. Времени мало. Бесконечно мало. Его всегда не хватает для того, чтобы одержать победу. Зачем быть бессмертным и постоянно проигрывать? Уж лучше умереть и напиться воды из Леты. И забыть об унижении. А может быть, он вовсе не бог? Сказку выдумали другие, а он охотно в нее поверил. Где доказательства его божественной сути? Мутации? Способность к перерождению? Ну и что из того? Может, он всего лишь гений, возмнивший себя равным Юпитеру? Глупый мальчишка. Ничтожный. Бог разума... ха-ха... это даже занятно. Это почти смешно...

«Бессмертному опекун не нужен, а остальное охраняет творец, одолевая своей силой хрупкость материи»... ¹⁵

Но Логосу как раз нужен если не опекун, то поводырь.

Мир стал чернее непроглядной ночи. Ночи, в которой не отыскать пути.

Юний Вер, лучший боец Империи, проиграл бой Сульде. С какой тоской вспоминал новоявленный бог о тех временах, когда он жил молодым зверем, следуя инстинкту и не испытывая ничего, кроме гнева и злобы. Но начав чувствовать, чувства не заглушить. Стойки пытались, но их умозаключения красиво смотрелись лишь на бумаге. Начав думать, мыслям не перекроешь дорогу. Будешь думать и думать... Бесконечный бег. Только, к сожалению, не бег к цели, а бег по кругу.

Чувство вины поджаривало бывшего гладиатора на медленном огне. пытка длилась и днем, и ночью. Никакие оправдания не принимались. Он спрашивал себя в который раз, почему проиграл, и не находил ответа. Вернее, ответ каждый раз был один: разум обречен проигрывать войне. Но ведь как-то надо суметь выиграть. Обязательно суметь...

¹⁴ Овидий. «Метаморфозы». Перевод С.Шервинского.

¹⁵ Сенека. «Нравственные письма к Луцилию». Письмо LVIII.

А вдруг... Да, вдруг, ответ другой? Вдруг война истребляется только войною? Что же делать в таком случае?

Слепой бог. Нелепое словосочетание. Унизительное положение. Даже в своем доме он не умел ориентироваться и постоянно натыкался на вещи. Однажды он взъярился и всей силой навалился на тьму. Дрогнули стены. Мир качнулся. Вер услышал вопли людей, звон бьющихся стекол, ему на голову посыпалась штукатурка.

На следующий день вестники сообщили о землетрясении, которое не смогли предсказать приборы Сейсмической академии.

Если бог слеп, то все, на что он способен – это разрушить мир. Логос потерял зрение, но слух сохранил. Более того, сохранилась и способность слышать чужие чувства. Даже сквозь сон к нему прорывались чужая боль и чужое отчаяние, чья-то радость, гнев и жажда мщения. Тысячи и тысячи эмоций сливались в непонятный гул, заставляя пребывать ослепшего бога в постоянной тревоге. Дни и ночи лежал он, уткнувшись головой в подушки, и не думал, не желал, не мечтал, не стремился, только слушал, секунду радуясь, а в следующую приходя в отчаяние, еще секунду пребывая в эйфории, и тут же погружаясь в поток нестерпимой боли. Не движение, но бессмысленные колебания. Когда-то с ним уже было подобное, но он позабыл, когда и где.

Что может вернуть зрение ослепшему богу? Ответ напрашивался сам собой: людская любовь. Логос мечтал, чтобы его полюбили, но не знал, как вызвать к себе эту любовь. Мысленно он протягивал руки, пытаясь обнять мир, баюкая, как младенцев, материки и прижав к щеке поверхность волнующихся океанов. Тогда поток человеческих чувств глож, мир замирал, тая дыхание, будто ожидал, что бог задушит его в объятиях. И Логос разжимал руки и отпускал непослушный и непонятный мир, так и не добившись взаимности.

И тут же в душу его с новой силой ударяла волна людских эмоций.

Не зная, что делать, Логос сидел, зажав в ладони какой-нибудь камень или цветок, пытаясь в частице отыскать разгадку мира. Порой мысли вспыхивали ярко. Блестящие мысли, как удар стального клинка. Но клинок этот не мог рассечь тьму... Тьма... Он пробовал ее на вкус, и она хрустела на зубах песком. Мерещилась черная пустыня, под черным небом, освещенная черным солнцем. По черной пустыне вез ослепшего бога черный бактриан.

Он в самом деле видел эту пустыню. Черные города вставали на горизонте. На черных оазисах колебались черные пальмы, отражались в черной воде. С каждой минутой Логос видел этот мир все отчетливее. И страшная мысль черной змеей прокрадывалась в сознание: а что если физически он не ослеп? Просто он видит другой мир. Прежде он видел свет. Теперь узрел тьму. И скоро он полностью перейдет в ТОТ мир, мир Тьмы. И закроет за собой дверь.

О нет, ни за что! Но как сразиться с тьмой, как вернуться к свету? Логос не знал. И вообще с каждым днем, с каждой минутой он знал все меньше и меньше. Тьма пожирала его знания. Вскоре Логос станет беспомощным, как человек.

Однажды, озлившись на свою слепоту, Вер выскочил из дома и попросил соседского мальчишку отвести его в ближайшую таверну. Он пил, танцевал и нагло ухлестывал за какой-то красоткой, сильно надушенной галльскими духами, и душевно пребывающей в состоянии бесчувственного, но незлобного легкомыслия. По этому веселому бесчувствию и по духам Вер безошибочно вновь и вновь находил юную особу в толпе, пока два почитателя красоты не вывели слепца за дверь – якобы протрезвиться – но с явным намерением пересчитать бывшему гладиатору ребра. Но и слепой, он умел отбивать удары. Случалось ему нередко в первый день игр выступать в роли андабата ¹⁶, причем противник не обязательно бывал в глухом шлеме. Вер побеждал на арене. Теперь было и вовсе легко: он слышал не только шорохи шагов и одежды, но и всплески ярости, предвещавшие удар. Ярость и злость выдавали соперников в темноте.

¹⁶ Андабат – гладиатор, сражавшийся в глухом шлеме без прорезей, то есть вслепую.

Слепой гладиатор не пропустил ни одного удара, зато двое зрячих ушли с разбитыми носами, утратив десяток зубов на двоих. Но во тьме, окружавшей Вера, эти удары не пробили ни единой бреши.

На ощупь брел Логос домой. Вели его не стены и ограды, но тепло дома, где его ждали. И тут кто-то шепнул ему на ухо:

– Как хорошо, что ты слеп, Логос!

Но вместе с голосом не пришло ничего – ни злорадства, ни страха, ни единого чувства, будто сама тьма говорила с ним.

А потом кто-то схватил Логос сзади за шею и пригнул к земле. Логос рванулся, впечатался в стену, и стена подалась тающим воском. На голову посыпались кирпичи и штукатурка. Сорвавшийся с подоконника цветочный горшок грохнулся о мостовую. Где-то внутри дома закричал человек. И Вер закричал, и пустился бежать. Никто не гнался за ним, никто не пытался напасть вновь. Но Логосу казалось, что в темноте кто-то неведомый наблюдает за его бегством и улыбается.

Он не открыл дверь, а вышиб ее плечом и рухнул на пол.

Лежал на полу в атрии и отчетливо видел бескрайнее черное поле, затянутое пеленой зеленого тумана. И только сейчас он понял, что должен шагнуть на это поле и погрузиться в мертвенный туман.

– Андабат... – выкрикнул Вер, и будто кузнечный молот ударил по металлу.

Глава IV

Августовские игры 1975 года (продолжение)

«Покойный Руфин Август не сделал никаких распоряжений о том, кто должен исполнять обязанности императора, пока Постум Август находится в младенческом возрасте и не может принять на себя всю тяжесть государственных дел. Сенат постановил, что должность диктатора получит старейший сенатор. Диктатором, скорее всего, станет Макций Проб. Срок его полномочий ограничен пятью годами».

«Сегодня день богини изобилия Опы».

«Сегодня состоится свадьба Бенита Пизона и Сервилии Кар».

«Акта диурна», 8-й день до Календ сентября¹⁷

I

Как Гимп восстановил себе ноги, Арриетта не видела. Ни один гений, пусть даже и бывший, не позволит простому смертному смотреть, как заживают его раны. Гимп попросил чистой воды, бинты и оливкового масла. Потом велел ей выйти из спальни и запереть дверь.

Арриетта сидела на кухне и рассматривала желтоватый потрескавшийся потолок с узким фризом, слушая, как надрываясь, сипит паром чайник на плите. И тут вошел Гимп в розовом халате до пят, шаркая мягкими домашними туфлями. Ее халат, ее туфли... Он прекрасно ориентировался в ее доме.

– Странно, – заметила она. – Ты можешь за пару часов заживить ужасные раны. Но не можешь восстановить зрение. Если у тебя есть способность к регенерации, то она должна быть во всем. Так?

– Глаза – не ноги... Чтобы перебороть слепоту, нужно нечто другое, нежели умение наращивать мясо.

– Так ты не можешь видеть или *не хочешь*?

– Гении никогда не говорят о себе правды. Потому что и сами ничего не знают о себе. Они довольно точно оценивают окружающих людей, но себя – никогда.

– Ты что-то задумал? – спросила Арриетта.

– Когда я освобождался, одна занятная мысль посетила меня. Подумал: «Рано или поздно ловцы меня поймут. Зачем же бегу? Пусть случится неизбежное. Зачем отдалять, зачем бороться, цепляться?»

– Как зачем? Это же самоубийство, то, что ты говоришь. Ловцы тебя убьют.

Гимп отрицательно покачал головой:

– Я все больше и больше склоняюсь к мысли, что ловцы не убивают гениев. Убивают люди. Ради платинового блеска, который после мучительной смерти остается на земле. Ты ведь знаешь: чем больше гения мучить перед смертью, тем больше платины... А впрочем – это домыслы. Я думаю – платины в гении столько, сколько в нем гениальной сути. А ловцы... Им платина не нужна. Им нужно что-то другое. И я хочу узнать – что.

Арриетта пожала плечами – Гимп пытается играть роль гения Империи после того, как его лишили должности. Это раньше он мог взять под крыло полмира. А ныне? Ему остается только носиться по улицам, вынюхивая маленькие тайны. Простой соглядатай счастливее его. Хотя бы потому, что у соглядатая есть хозяин, которой за эту тайну щедро заплатит. А гений

¹⁷ 25 августа.

Империи ныне бездомен и бесприютен. Безларник – что о нем еще можно сказать. И к тому же слепец. Он слишком уязвим. Однако Арриетта не могла ему отказать. Гениям не отказывают.

– Что толку, если ты узнаешь цель похищения? А дальше что? Ты никому не сможешь сообщить.

– Надо перейти Рубикон.

– По-моему, гении его перешли. В тот день, когда вас швырнули на землю.

– Затея безумная, – согласился Гимп. – Самая безумная из всех безумных затей. Но у нее есть некоторые блестящие черточки. Что-то вроде блесток, которые матроны нашивают на свои платья. Люблю такие блестки. Они привлекают. И ты мне поможешь. Поможешь нашить еще одну блестку на мой безумный план.

Хотя она ожидала подобного заявления, но все равно растерялась.

– Я не собираюсь... – она запнулась – ясно было, что таким тоном ничего отстоять не удастся. – За так... – добавила, чтобы хоть что-то сказать.

– Я заплачу. Не волнуйся, – засмеялся Гимп.

– И какова плата? Ведь гении больше не исполняют желаний.

– Смотря какие. Может быть, как раз твое смогу исполнить смогу исполнить, – ей показалось, что он глянул ей в глаза.

Слепой глянул в глаза. Во всяком случае, его зрачки были точно против ее зрачков. Ей стало не по себе от этого слепого взгляда.

– Миллион сестерциев можешь заплатить? – Голос ее дрожал.

Кажется, этот вопрос его обескуражил.

– Миллион – это не желание, а арифметика, – проговорил разочарованно Гимп.

– Миллион – это высшая математика. А иначе я не согласна... – объявила Арриетта с довольным видом, не ожидая, что так легко найдет повод отказать.

– Я дам тебе миллион, – согласился Гимп. – И еще... я исполню одно твое тайное желание. То, о котором ты сама не знаешь.

Теперь он глядел мимо нее и улыбался.

– Ну, соглашайся. Практически для тебя нет никакой опасности. Люди ловцов не интересуют, – уговаривал Гимп. Он врал. Это было видно с первого взгляда.

Она согласилась, хотя знала, что он не заплатит ей миллион – у него нет ни асса. Она знала, что он не исполнит ее желание. И все равно верила. Сама не зная, почему. Теперь он был зряч, а она слепа, и ползала на коленях в темноте в поисках брошенной им монетки. Она слышала заманчивый звон – монетка катилась по камням, но Арриетта напрасно шарила рукой, уверяя себя, что Гимп подарит нечто такое, о чем она сама и подумать не смела. Самообман Арриетты был почти восхитителен. Потом... хотя не стоит говорить, что будет потом, пока будущее не наступило хотя бы на листе бумаги.

II

Редакция «Первооткрывателя» располагалась в старинном особняке. В просторном атриум толпились десятки посетителей, по галереям сновали десятки репортеров. Гам, суета. Но шум смолкал перед массивной дверью, на которой блестела бронзовая табличка с короткой надписью «Крул».

Старик Крул развалился в кресле и смотрел на худую женщину в простеньком платье пренебрежительно. Было жарко, платье посетительнице (и просительнице) было чуть-чуть тесновато, под мышками образовались темные пятна. В руках женщина мяла и без того замусоленный вчерашний вестник. Наверняка долго сидела в приемной, изнывая от жары, и обмахивалась сложенным вдвое номером. Что ей надо? Хочет работать у Бенита? Таких желающих нынче хоть отбавляй. Они буквально осаждают редакцию «Первооткрывателя». И все же что-

то заставляет Крула медлить и не указывать ей на дверь. Ну да! Эта женщина работала прежде секретаршей у Элия. Надо же, какое совпадение. В трибе Элия избран в сенат Бенит, и эта женщина рвется работать у новоявленного сенатора. Уж не считает ли она, что подобные должности передаются по наследству? Она что-то болтает о невозможности работать на Элия. Понятно, что невозможно. Если он сгорел вместе с Нисибисом в ядерном пламене.

Крул налил полный стакан ледяной воды из запотевшей бутылки и принялся пить маленькими глотками, испытующе глядя на женщину. Она судорожно сглотнула. Но пить не попросила. Хорошо. Даже очень хорошо.

– У тебя есть желание? – спросил старик. – Самое сокровенное, самое немислимое, самое невыполнимое. И... беспощадное...

– Что значит – беспощадное? – Порция быстрым движением мазнула ладонью по виску. Но капли пота тут же выступили вновь.

– Без оглядки на других. И на мнение других.

– Хочу, чтобы мой сын бесплатно учился в риторской школе.

– Это не желание, а мелкотня. – Крул явно был разочарован. – А чего-нибудь другого нет? Женщина вновь отерла виски – на этот раз платком.

– Допустим, с кем-нибудь поквитаться? Разве это не прекрасно – отомстить за унижения, за бедность, а? К примеру – Элию, за то, что он тебя уволил, – Крул улыбнулся, обнажая редкие зубы.

– Он не увольнял, – поспешно сказала Порция. – Я сама ушла.

– И все же... – Рот Крула растянулся еще шире.

Раньше подземным богам писали подобные просьбы на свинцовых табличках: «...свяжите, обвяжите, помешайте, опрокиньте...» Даже, когда гладиаторы начали исполнять желания на арене, такие таблички продолжали изготавливать тайком. Хотя за них можно было на всю жизнь угодить в списки гладиаторских книг и лишиться права исполнения желаний. Но уж коли это право потеряно...

– Элий умер, – сказала Порция.

– А если бы он был жив? – Крул чуял добычу и не желал отступать.

– Не знаю. Мне кажется... Да, наверное... он поступил со мной некрасиво.

– Ага, уже теплее... Летиция должна за это ответить. Наверняка она тоже...

– Нет, нет, она не при чем! – горячо запротестовала Порция.

– А еще кому-нибудь тебе хочется отомстить, пожелать всяких бед? Неужели никому?

– Одному человеку...

– Кому? – Крул плотоядно облизнулся.

– Секретарю Тиберию. Он такой подонок. Вот ему бы... – Порция сжала платок в кулаке, будто это была шея старика Тиберия. – Этот старый пердун теперь служит Летиции, а я...

– Так что должно случиться с Тиберием, крошка?

– Чтоб ему переломали ноги, – прошептала она с ненавистью.

– Замечательно! – Крул в восторге потер руки. – Ты меня не разочаровала, детка. Это просто замечательно. Загляни к нам через месяцок, может, для тебя и найдется работа.

Порция вышла из редакции со странным чувством гадливости и страха. Не надо было говорить о Тиберии. Но ведь она лишь высказала пожелание... это всего лишь слова. Все равно нехорошо. Столько лет цензоры запрещали желать другому беды. Сколько лет приучали: думай, думай, прежде чем желать, думай, *можно ли* желать такое. А теперь нет цензоров и можно все. Мерзко, мерзко... Порции казалось, что она вся липкая, грязная с головы до ног. И она действительно была и липкой, и грязной – пот с нее так и лил.

Порция стояла в нерешительности у дверей. Может, вернуться и сказать, что она вовсе не желает зла Тиберию? Но она понимала, что ее возвращение уже ничего не изменит. Желание высказано. Осталось его только исполнить.

III

Днем Рим так и дышал жаром, как огромная раскаленная каменная печь, в которой плавилась миллионы жизней. После обильных дождей в городе было парно, как в бане. Фонтаны, и те текли ленивей обычного. И вода в них была теплая, неживая.

Арриетта расхаживала по своей квартирке нагая. Проходя мимо высокого зеркала аквилейской работы, всякий раз бросала оценивающий взгляд. Красивая. Очень красивая. Она помнила, как Вер любовался ее телом. А вот Гимп не может... Жаль...

В этот раз Гимп ушел один. Ушел и почти сразу вернулся.

– Вот гляди... – Гимп раскрыл ладонь. А на ладони лежал жук. Маленький такой черный жучок-чудачок с длинными усиками-антеннами и золотой полоской вдоль спины. Прежде Арриетта никогда не видела таких жуков. – Открою тебе тайну, – прошептал Гимп ей на ухо. – Это – гений. Он вызвался мне помочь. Как и ты. У него свои счета с ловцами. Гений этот особенный. Он может генерировать электромагнитные сигналы. Как передатчик. Приемник будет у тебя в сумочке, настроенный на гениальную частоту. Когда меня схватят, ты кинешь этого жука за шиворот ближайшему ловцу. А потом отправишься к префекту римских вигилов Курцию и все ему расскажешь. Только и всего. Отличный план! Мне он нравится. А тебе?

Арриетта вздохнула:

– Почему-то думала, что гений Империи должен быть более рассудительным.

– Ну был я, был рассудительным когда-то. Но теперь-то я человек! Могу позволить себе безумства... гениальные безумства – учти.

Рядом с Гимпом все казалось другим – и слова, и поступки. Будто не жизнь живешь, а захватывающую книжку читаешь. И бояться рядом с ним было невозможно. Арриетта и не боялась. Вот только противный тонкий голосок благоразумия пищал в ухо: «Остерегись, остерегись...»

– А сам ты не можешь этого жука... кинуть...

– Нет. Не могу. Ты что забыла – я слепой.

– Не ходи туда, – взмолилась она. – Не надо! Давай будем просто жить. Я буду писать стихи...

– Разве можно просто жить и писать стихи? Для стихов надо жить не просто.

– Наплюй на ловцов.

– Не могу. Я – гений.

– Тогда ты погибнешь!

Он лишь рассмеялся в ответ:

– Если не погиб в Нисибисе, то как могу погибнуть здесь?

Ей оставалось одно – уступить...

IV

К вечеру жара не спадала. Камни отдавали накопленный за день жар. Ветер, едва дохнув, тут же затихал. Все окна были распахнуты. На крышах слышались шаги и возня – обитатели инсул выбирались туда с наступлением темноты.

Арриетта мечтала удрать из Рима, укрыться на прохладной загородной вилле. Но это только мечты. Денег нет. Все полученное за книгу растрачено без остатка. Долгов – три тысячи. Новую подачку из меценатского фонда еще ждать и ждать. Стихи – ловушка неведомых ловцов. Попал в нее – и уже не выбраться, не уйти. Кому и для чего ты нужен – непонятно. Что-то такое щебечешь и задыхаешься от восторга. Варишься в каменном котле вместе с Городом. И в конце концов понимаешь, что не нужен никому.

Итак, Гимп встал в черную лужу и ждал. Девушка спряталась за колонной вестибула и тоже ждала. Старый дом, спрессованный временем в неразрушимый монолит, запутался в сетях плюща. Свет из окна золотил глянцевые листья. Где-то звучала музыка, где-то плакал ребенок. Жизнь вросла в камень и стала единой с ним. Люди внутри камня, внутри Города. Им хорошо. А она, Арриетта, снаружи. И Гимп снаружи.

Арриетта была готова выть в голос от страха. Но она не выла. Она сочиняла стихи. Стихи выходили красивые, но она их тут же забывала.

Гимп стоял в луже и что-то насвистывал. Ждал. Когда они придут.

И они пришли. Обычные люди в черных туниках. Они вытащили моток белой прочной веревки и принялись окутывать Гимпа, как пауки. И тогда Арриетта подошла сзади и закричала:

– Гимп!

Она вскинула руки, будто хотела протиснуться к гению. И уронила – как ей показалось очень ловко – жука за шиворот одному из ловцов. Ловец повернулся и ударил ее по лицу. Не рукой, а чем-то жестким и холодным. И лица у Арриетты не стало – его срезало начисто. Оно упало на асфальт и осталось лежать – белая безглазая маска с пустым ртом. Арриетта схватилась руками за голову и нащупала что-то липкое, скользкое... Самое ужасное, что глаза у нее сохранились. Она видела. Видела, как Гимп повернулся к ней и крикнул:

– Уходи, Арри!

В его слепых глазах застыл ужас.

Она наклонилась поднять лицо. Но не смогла – кто-то из ловцов наступил на него ногой. И оно превратилось в черный грязный лоскут.

А ловцы потащили запеленатого в веревочный кокон Гимпа. И черная лужа, поймавшая Гимпа, вприскок послушной собачонкой кинулась следом. Но Арриетта не побежала за ними. Она ползала по мостовой и искала потерянное лицо. Кровь хлестала из раны на камни. И где-то очень далеко выла сирена «неспящих».

Глава V

Августовские игры 1975 года (продолжение)

«Что делать теперь, когда Рим лишился своей мечты? Прежде каждый ребенок в самом дальнем уголке Империи знал: ты – гражданин Рима, твои желания исполнимы. А что теперь? Что теперь – вопрошаю я?»

Гней Галликан».

«Ловцы впервые напали на человека. Прежде ловцов интересовали только гении. Кто же эти таинственные ловцы? Не пора ли вигилам вплотную заняться ими?»

«По прогнозам метеорологов жаркая погода продержится в ближайшие дни».

«Акта диурна», 7-й день до Календ сентября¹⁸

I

Сторонники Бенита в сенате держались тесной группой. Он и сам удивился тому, как быстро ему удалось сколотить вокруг себя кучку преданных, и, главное, яростных единомышленников. Оказывается, в уравновешенном и благополучном обществе достаточно людей, которым необходима не благовоспитанность, а ругань, не логические доводы, а площадная брань. «Мои шлюхи», – мысленно называл их Бенит. Вслух так называть еще не отваживался. Но, возможно, скоро так и назовет. Им понравится. Он был уверен, что понравится.

Репортеры вертелись вокруг него. Бенит обожал репортеров. Делал вид, что нападает на них, а на самом деле играл с ними. Кот так играет с мышами. Каждый новый скандал добавлял ему внимания. Каждый новый репортер добавлял ему популярности – не важно, о чем писал служитель стила – о проигранных в алеаториуме тысячах или о пожертвованиях на обучение сирот.

Каждая речь Бенита производила эффект разорвавшейся гранаты. Ее обсуждали, ее цитировали. В его словах было то, чего не хватало другим – каждая фраза дышала смелостью.

Возможно, сегодня Бенит произнесет свою лучшую речь.

По закону (ах, эти дурацкие законы) во время прений в курии Бенит должен был высказываться в конце. И он самодовольно жмурился, предвкушая...

И вот настал его черед.

– О чем вы тут болтаете, седые комарики! – сказал Бенит, понимаясь. – О потерях, о язвах, о болезнях. Что толку сожалеть об утраченном. Надо взять на себя новую обязанность. Вернуть гражданам Великого Рима их права. Они могли исполнять желания, и peregrины завидовали избранным счастливым. На этом тысячу лет стояла Империя. Но Руфин и Элий своими интригами лишили римлян этого права. И первое, что нужно сделать – вернуть утраченный дар! Верните Риму дар богов! – И он погрозил неведомо кому кулаком. Может, самим богам? А может покойному Августу? – Деньги – тьфу! Я презираю деньги!

– Но это невозможно... – прошептала Верония Нонниан.

– Невозможно? Почему? Потому что вы этого не можете? Не знаете как? – Бенит расхохотался. – А я знаю. И дарю римским гражданам то, что они утратили – отныне пусть они обращаются ко мне, и я исполню их желания. Мечта Империи в моих руках!

¹⁸ 26 августа.

Сенаторы опешили от подобной наглости.

– Как он может исполнять желания? – шепнул язвительный тонкогубый Луций Галл, достаточно громко, чтобы остальные его слышали. – Разве он бог?

– Я не бог! Но я превзойду богов! – Бенит повернулся к наглецу. – Я сделаю то, чего жаждет Рим, и то, что вы должны были сделать, да не сумели. Пусть квириды знают – отныне я исполняю их желания. Квириды, – обратился он к толпящимся у дверей курии любопытным. – Пишите письма сенатору Бениту, и ваши желания исполнятся! Мне не нужно дозволение цензора, я не стану проверять, достойно ли исполнения ваше желание! Если у тебя есть звание римского гражданина, ты достоин, ты получаешь все!

Он сел. Поправил складки тоги с пурпурной полосой. Приосанился.

Репортеры фотографировали. Зрители хлопали в ладоши и свистели. Одобрительно.

Большинство сенаторов забавлялись происходящей нелепицей, другие постукивали себя по лбу, третьи – были и такие – восхищались. Никто не воспринял заявления Бенита всерьез. Как можно воспринимать всерьез подобные глупости? Все были уверены, что речь эта – ловкий трюк, не более того.

Бенит торжествующе улыбался. Он-то знал, что сказал правду.

II

Гимп распахнул глаза. Тьма вокруг. Тьма, потому что темно? Или потому что бывший гений по-прежнему слеп? Он не знал. Ощупал кровать. Ткань была мягкой, даже на ощупь он чувствовал, что простыни чисты. Поднялся. Босая нога утонула в пушистом ковре. Вытянув руку, он двинулся наугад. И вскоре уперся в стену. Штукатурка и краска ровные. Фреска? Медленно Гимп стал обходить комнату. Нащупал окно. Частая решетка. Открывается. И довольно легко. Но сколько футов до земли? Влажный запах дохнул в лицо. Запах сада. В комнате очень тихо. Он в Риме? Или уже не в Риме?... Гимп двинулся дальше и добрался до двери. Дверь была заперта. Обычная дверь с узорной решетчатой вставкой наверху. На карцер не похоже. Но и не гостиница. Частный дом? Тогда кто хозяин? Ловцы?

– Кто-нибудь... – позвал Гимп.

Никто не отозвался. Он попробовал открыть замок – не получилось.

И тут кто-то тихо, но очень отчетливо сказал за стеною:

– Андабат.

Гимп замер. Потом кинулся к стене, заколотил кулаками. Закричал.

– Андабат, – повторил все тот же голос.

– Кто здесь?

– Андабат, – сказал неизвестный в третий раз.

– Ты что, псих? – разозлился Гимп.

– Андабат...

«Андабат» – слепой гладиатор. Значит, сосед Гимпа так же слеп.

– А я – бывший гений Империи, – сообщил Гимп. – А ты – гений?

Но получил все тот же ответ.

Гимп понял, что пока ничего нового узнать не удастся. На ощупь добрался до кровати и лег. «Андабат», – время от времени раздавалось за стеной.

– Чудачок... – позвал Гимп добровольного помощника. Безрезультатно. Может, перескочил на кого-то из ловцов? Или ползает сейчас по карцеру и передает сигналы? Курций должен вскоре явиться. Скорее бы.

Гимп не знал, сколько времени прошло – час, два, целый день, – когда наконец загрохотал замок, скрипнула дверь.

– Обед прибыл, слепыш, – донесся из темноты голос.

Где же помощь? Где Курций? Почему не бегут на помощь вигилы? Неужели никто не придет?

В руки Гимпу вложили тарелку. Пахло вкусно. Но есть он не мог.

III

Арриетта очнулась в Эсквилинской больнице. Она лежала на кровати в ночной тунике. Был яркий день, светило солнце. Она не могла вспомнить, что произошло, как она попала сюда. Что было прежде, и что потом. Ночь. И в ней страх, огромный, как лужа, в которой не отражаются фонари... Лужа... Страх шевельнулся внутри живым существом. А снаружи – чистота, зеленые стены, расписанные под искусственный мрамор. Белый потолок.

Вошла женщина в тунике младшего медика.

– Сейчас мы сделаем перевязку...

– Перевязку? – Арриетта поднесла руку к лицу. Пальцы натолкнулись на бинты.

И тут она вспомнила. Лицо... лицо белой тряпкой на мостовой...

Она закричала.

– Не надо, милая моя. Ничего страшного. Тебе срезали кусочек кожи на щеке. Небольшая пластическая операция, и никто ничего не заметит. Ты будешь, как прежде, красавицей.

А как же лицо? Ее лицо лежало на мостовой... Она же помнит... белая тряпка, и гении топтали ее ногами. Странно, что она не чувствует боли. Она вообще не чувствует лица. А вдруг его нет – и там под бинтами – пустота. Черный провал. Дыра, в которую надо запихивать обед... Она осторожно подняла руку. Пальцы нащупали сухую корочку на губе, влажную твердость зубов... Зачем-то Арриетта лизнула ладонь. Во рту был противный вкус – чего-то горького, явно лекарственного.

– Я скоро умру. – Девушка содрогнулась от невыносимой жалости к себе. – Мне надо видеть Гимпа. Очень прошу: найди Гимпа.

Тут она вспомнила о прилепленном к вороту одного из ловцов «жуке». И о приемнике, оставшемся в сумочке.

– Где моя сумка? – Она принялась озираться. В палате ничего не было, никаких вещей. Стены, приборы. Стул и на нем туника из махрового хлопка – больничная, зеленого цвета.

– При тебе, моя милая, не нашли никакой сумки. Вообще никаких вещей, – отвечала медичка.

– Такого не может быть. Была сумочка. Там Гимп... то есть с ее помощью я могу найти Гимпа.

Медичка, теряя терпение, постаралась улыбнуться как можно ласковее:

– Сумки не было. Сегодня к тебе зайдет вигил, и ты ему все расскажешь – кто на тебя напал. И про сумку – тоже.

– Да, да, пусть вигилы найдут сумочку. Пусть найдут... – шептала Арриетта.

Она знала, что вигилы ей не помогут. И никто не поможет. Как она могла потерять сумку! Приемник должен был привести ее к Гимпу. Гений Империи надеется на нее. Надеется и ждет спасения. А она не может ничего. Абсолютно ничего.

Как самый обычный человек.

Глава VI

Сентябрьские игры 1975 года

«Каждая улыбка малыша Постума, каждая новая игрушка наполняют радостью сердца римлян. В наших душах живет надежда, что после тяжких испытаний Рим окрепнет вместе со своим юным императором.

Гней Галликан».

«На театральных представлениях будет несколько премьер... Какое новое имя боговдохновенного драматурга принесут нам Римские игры?»

«Первый приз Римских игр – один миллион сестерциев. К тому же диктатор Макций Проб от себя лично пообещал приз в сто тысяч сестерциев. Столько же от имени императора выдаст Августа. Никогда еще не бывало таких больших призов. Все считают, что разыгрывать деньги куда рациональнее, чем желания».

«Акта диурна», канун Ид сентября¹⁹

I

Бог Диспите́р даровал ребенку свет, Витумн – жизнь, Сентин – чувства. Ватикан помог открыть рот и издать первый крик.

– У тебя сынок.

Медичка положила Норме Галликан на сгиб руки спеленатого малыша.

Норма смотрела на сына с удивлением. Обычное красное лицо новорожденного с пухлыми губами, с мокрыми едва приметными ресничками. Меж набрякшими веками едва можно различить темно-серые глазки.

Она боялась *существа*, которое произвела на свет. Нечеловеческая тварь, нечеловеческое соитие. Кто может появиться на свет в результате? А появился обычный крошечный человек. Безобидный. Беззащитный. Слабый.

– Устал, бедняжка, – прошептала медичка. И такая нежность в ее голосе, будто этот теплый комочек – ей родной. Самый лучший, самый замечательный. Норма пока не испытывала к новому существу никаких чувств, кроме легкого удивления и любопытства.

Вот ты какой...

– Как ты думаешь, он похож на человека? – спросила Норма.

Медичка удивленно приподняла бровь так, что зеленая шапочка затопорщилась с одной стороны.

– Да, конечно. Обычный мальчик. Хорошенький. Бровки, реснички.

«И как она только это разглядела!» – подивилась Норма.

Пахло горящим маслом. Возле постели теплился масляный светильник. Старинный обычай велит зажигать свет, чтобы при появлении человека присутствовала богиня света Светоносица. Но проникнет ли свет в душу *этого* ребенка?

– Я могу оставить малыша у себя?

– Конечно, кровать для него приготовлена.

Медичка опустила сверток в прозрачный ящичек – колыбельку.

Но Норма не о том спрашивала.

¹⁹ 12 сентября.

- Навсегда? – допытывалась она. – Навсегда могу оставить?
- Медичка уже не удивлялась вопросам.
- А это как он пожелает. – И засмеялась.
- Он может не пожелать, – прошептала Норма.
- Имя уже придумала?
- Норма коснулась прозрачной колыбельки.
- Да. Я знаю его имя.

II

Встреча была назначена в портике Октавии. Квинт явился раньше времени. Предстоящая встреча его тревожила. Он делал вид, что рассматривает знаменитые статуи Фидия и Праксителя, восхищается всадниками Лисиппа. В назначенное время он остановился возле статуи сидящей женщины. «Корнелия, мать Гракхов», – было выбито на базе.

– Поговорим?

Квинт медленно повернулся. Перед ним стоял невысокий плотный человек с гладко выбритой головой. Военная выправка, загорелое лицо, пухлый подбородок, тонкие губы. Глаза... В глаза Квинт старался не смотреть.

– О чем? – Да, в глаза лучше не смотреть. Квинт смотрел на прекрасное лицо Венеры Праксителя. Так проще.

– Прогуляемся вдоль портика и побеседуем.

– Побеседуем... – Квинт демонстративно запнулся.

– Гай, – представился тот. – Но при новой встрече я могу назваться иначе.

Квинт поморщился: его любимая фраза в устах этого человека звучала издевкой. «Собрат»...

– Тебя не смущает тот факт, что ты по-прежнему на свободе? Ведь ты удрал из-под ареста, – напомнил человек, назвавшийся Гаем. Он говорил покровительственно, как будто имел над Квинтом власть.

– После этого мир перевернулся, – уклончиво отвечал тот. – Преступление стало проступком. Обо мне забыли.

– Есть люди, которые помнят даже о тебе.

– «Целий»? – зачем-то спросил Квинт. Он старался выглядеть глупее, чем есть. Иногда это полезно. Хотя он не надеялся, что ему удастся провести этого как его... гм... «Гая». Как только он увидел этого человека, сразу понял, что за спиной незнакомца маячит тяжеловесное, похожее на крепость здание агентства безопасности.

«Гай» не ответил. Впрочем, Квинт и не надеялся получить ответ.

– Тебе *позволили* остаться на свободе. Дело прекратили. Ты свою задачу выполнил...

– Выполнил, – бесцветным голосом отозвался Квинт. – А в чем была моя задача?

Теперь он был уверен, что люди «Целия» знали о предстоящем рейде монголов. Знали и делали вид, что не знают. Решили заманить Элия в ловушку. Но им только кажется, что они победили.

– Зачем убили Элия? – спросил Квинт. Так, вопрос в пустоту. Опять без надежды на ответ.

– Это тебя не касается.

– Касается. Я – римский гражданин. – Стоит изобразить такого глупца-идеалиста. Почему-то люди вроде «Гая» считают, что все идеалисты – глупцы. Не стоит разочаровывать «гаев».

– Красиво звучит. Вернее, звучало. Скоро это будет пустым звуком. Рим больше не выполняет желаний. Пока мир движется по инерции. Но скоро все поймут, что жить где-нибудь

в Лондини и быть гражданином Альбиона ничуть не престижнее, нежели быть гражданином Рима. Тебя это не пугает?

– Я думал над этим, – неопределенно протянул Квинт.

– Думал, но ничего не придумал. Твой хозяин предложил раздавать деньги направо и налево. Но деньги быстро иссякнут. А нищий Рим тем более никому не нужен.

– Элий бы тебе ответил. А я не могу.

– Значит, ты не так хорош, как воображаешь. Роксану ты тоже не мог раскусить.

Квинт стиснул зубы. Да, свои поражения признавать тяжело. «Самый лучший фрументарий» – вспомнил Квинт недавнее свое хвастовство. Мало что эти слова значат ныне. Потому что Элий умер. А все остальное... а все остальное к воронам.

– Ты, конечно, глуповат, – продолжал «Гай». – Но ты был предан хозяину.

– Элию, – поправил Квинт.

– Теперь ты поступаешь в распоряжение императора. Ты – его личный фрументарий.

– Я и так ему служу. Ему и Летиции.

– По собственной воле. А теперь будешь служить по приказу диктатора Макция Проба.

– А если диктатор сменится?

– Диктатор может смениться. А император – нет.

– «Целий» опять знает нечто такое, чего не знают другие?

– Здесь нет подвоха.

– Я буду служить. Но сам по себе. Ни «Целий», ни префект претория не будут иметь надо мною власти. Я – частное лицо на службе. Тут личное. Ничего для «Целия» – вот мой девиз.

– Для частного лица ты слишком много знаешь.

– Хочешь меня устранить? – Их глаза наконец встретились. Квинт будто нырнул в ледяную воду. Внутренне содрогнулся. И это ему очень не понравилось.

– Пока нет. Служи... И помни, что мы всемогущи.

– Разве? – Лучше было не говорить такое. Прежний Квинт не сказал бы. А вот Элий бы непременно сказал. И нынешний Квинт тоже.

– Считай, что я тебя не слышал, Квинт. Или ты намеренно желаешь, чтобы тебя уничтожили? – могущественный Гай сердится.

– Я мешаю «Целию»? Неужели? Ведь я малявка... Никто... Спятивший с ума агент.

Квинт повернулся и пошел.

– Подожди! – окликнул «Гай».

Квинт остановился.

– Ты повредил ногу?

– Нет...

– Тогда почему ты хромаешь?

Квинт пожал плечами и пошел дальше. Он заметно хромал. На правую ногу.

III

Она не жила – лишь делала вид, что живет. Происходящее почти ее не касалось. Улыбка маленького Гая Постума порой веселила и заставляла ее губы складываться в улыбку. Еще любила сидеть в саду на своей загородной вилле среди отцветающих кустов роз, смотреть, как роняют лепестки осенние цветы на слишком тонких стеблях, и читать книги. О чем-то таком, что поражает воображение. Последний библион Кумия о Нероне надел много шума. Все хвалили описание пожара Рима. Летиция сидела в саду в плетеном кресле и читала, как пылал храм Юпитера Капитолийского. Как ветер гнал огненные волны по форуму. Элию не понравился бы этот библион...

Солнце согревало кожу. Разумеется, это не счастье, и даже не радость. Этой театральным аулеум, за которым нет сцены, один черный провал. Она не знала, что ее убивает – отчаяние или любовь, или то и другое вместе. Порой безумная мысль мелькала в мозгу: задушить проклятое чувство и начать жить заново. Покойно и тихо, как все. Завести любовника и никогда не вспоминать об Элии. Будто его и не было вовсе. Но тут же все в ней восставало, и она зажимала ладонью рот, чтобы не закричать. Хотелось себе самой надавать пощечин. Отказаться от любви к Элию – как она могла придумать такое?! Ведь это все, что у нее осталось. Без любви она казалась себе и не человеком уже, а безобразным обрубок – торсом без рук и ног.

Вечерами она сидела на галерее, смотрела на засыпающий сад, вдыхала вечерние ароматы и мечтала, что утром боль не будет такой острой...

Именно в один из таких вечеров Летиция увидела *его*. Он стоял у подножия лестницы так, что мраморная скульптура Нимфы наполовину скрывала его. И все же она не могла обогнаться – плечи и профиль, и черные волосы, начесанные на лоб – все было до боли знакомым. Летти вскочила. Сердце забилося, как сумасшедшее. Сейчас оно разорвется, и Летиция упадет замертво. Но сердце выдержало, не разорвалось.

– Элий! – закричала она.

Он повернулся. Лучи заходящего солнца обвели красным контуром тонкий нос и острые скулы. Летиция бросилась вниз. Элий рванулся навстречу. Летиция замерла, ухватившись за мраморные перила, и едва не упала – так резко остановилась.

Он *бежал* наверх. То есть и раньше она видела, что Элий может бегать довольно быстро, может перепрыгнуть через две, через три ступеньки даже. Только его уродливые козлиные прыжки сразу напоминали об увечье. А этот летел наверх. Подбежал и остановился, не доходя двух ступенек. Сдерживаемое дыхание рвалось сквозь плотно сжатые губы. Теперь она видела точно, что это не Элий. Похож. Да. Но не Элий. Нос тонок и так же кривоват, и глаза – один выше другого, но в их ледяной глубине такой холод – ни намек на нежность! Тонкие губы надменно изломлены – где же улыбка Элия, придававшая его не слишком красивому лицу удивительную притягательность? К тому же гость казался куда моложе Элия. И выглядел как-то глупее. И чем больше находила Летиция этих несходств, тем сильнее поднималось внутри тошнотворной волной отвращение.

Летиция попятилась, уже догадавшись, кто перед нею – Гэл, бывший гений Элия. Непокорный смельчак, но при этом убийца, предатель, заговорщик.

– Уходи, – прошептала Летиция. – Уходи, или я позову охрану и тебя убьют.

Он протянул к ней руки. Тонкие, почти женские. Руки негладжатора и небойца.

– Его больше нет, Летти. А я могу его заменить...

– Вон!

– Не кричи! – Гэл сокрушенно качнул головой. – Я на него похож. Неужели тебя это не волнует?

– Вон!

– Да я же сказал, не кричи. Вот дуреха! – Он попытался обнять ее. Она ударила изо всей силы кулаком в лицо.

Гэл отшатнулся, оступился на лестнице и полетел вниз. Поднялся, отряхнул ладони, расмеялся.

– Ты что же, будешь жить, как весталка? Летти, тебе шестнадцать. У тебя столько лет впереди. Ты хоть сосчитала? Так посчитай...

Она не ответила. Прянула вверх и перелетела – именно перелетела по воздуху ступенек десять, отделявшие ее от Гэла, двумя ногами ударила его в грудь. Он покотился кубарем вниз, а она медленно опустилась на перила лестницы и замерла, не держась ни за что. Собралась в комок для нового прыжка.

– Глупо! Ты еще не знаешь, что такое одиночество! Наступит время, и ты пожалеешь! – Он вскочил и пустился наутек.

Наперерез ему, рассекая волны зелени, мчался преторианец. Гэл нырнул в кусты. Преторианец кинулся его искать, но тщетно. Бывший гений как сквозь землю провалился.

Вернувшись, гвардеец с изумлением уставился на Летицию: она сидела на наклонных перилах на корточках, как большая птица, приготовившаяся взлететь.

– Видел, как я его ударила? – засмеялась Летти. – Здорово. Он катился, как бревно. Это за то, что он сказал дурное про Элия. А я не позволю никому плохо говорить об Элии. Никому.

Она повернулась и пошла по мраморным перилам наверх, не соскальзывая. Гвардейцу показалось, что ее босые ножки не касаются мрамора.

– Домна Летиция! – окликнул ее преторианец.

– Да. – Она обернулась. Улыбка все еще скользила по ее губам; кажется впервые с тех пор, как пришло известие о гибели Элия, она улыбалась по-настоящему.

– Не надо показывать, что ты умеешь *так*. – Гвардеец смутился. – Тебя могут... не понять.

– Хорошо, не буду.

Он протянул руку, она оперлась на его ладонь, спрыгнула с перил. Он поддержал ее за локоть, как будто ей в самом деле нужна была его поддержка.

– Как тебя зовут? – спросила она, поспешно отстраняясь.

– Авл Домиций.

– Ты предан императору Постуму, Авл Домиций?

– Да, домна Летиция. Я ему присягал. И тебе я предан.

– Очень хорошо. Не забывай о своей преданности, Авл. Не забывай даже тогда, когда остальные забудут.

– Не забуду, клянусь Юпитером, – воскликнул он слишком громко и слишком страстно.

– И не пускай больше гения в сад. Пусть гуляет, где хочет. Но только не здесь.

Он вновь придвинулся ближе. Он чувствовал, ее тоже тянет к нему. Но она вновь отступила. Вскинула глаза. В вечернем полумраке в это взгляде можно было прочесть все что угодно.

– Не здесь... – шепнули ее губы.

– Домна Летиция! Домна Летиция! – на галерею выскочила служанка. – Только что звонили из Эсквилинской больницы. Старика Тиберия избили...

– Что? – не поняла Летиция. Избили старика? Она ослышалась? Такого в Риме не бывало. Сколько Летиция живет – за долгие-долгие шестнадцать лет ни разу не бывало такого.

– Избили... – голос служанки сделался виноватым, будто ей стыдно было говорить такое. – Он в больнице.

IV

Летиция едва узнала Тиберия. Лицо распухло и почернело, глаза совершенно заплыли. Одна нога была на растяжке, с укрепленными грузами, вскинута вверх указателем. Вторая – просто в гипсе.

– Тиб... что ж такое. Кто это? – растерянно шептала Летти, глядя старика по лежащей поверх одеяла руке. На тонкой прозрачной коже синяки казались черными.

– Не знаю. Какие-то подонки. Остановили на улице. Спросили имя. Я назвался. Чего мне скрывать? И вдруг они... они... о боги... стали меня бить. Меня, старика... Я служил еще Адриану, отцу Элия...

Старик затрясся, по щекам его покатались слезы.

– Тиберий, друг мой, не надо, не надо, не плачь, – повторяла Летиция. – Здесь тебя никто не обидит.

– Они были в черном. Как обвиняемые в суде. Все в черном, – шептал Тиберий распухшими лиловыми губами.

Летиция не знала, как его утешить, и плакала вместе с ним.

– Будь у меня силы, я бы покончил с собой. Бросился с моста в Тибр. Это просто. С моста в Тибр.

– Я побуду с тобой. Хочешь, посижу здесь до утра. Не бойся, Тиберий. Я вызову преторианцев, чтобы тебя охраняли.

– Не надо преторианцев, – запротестовал старик. – Что я – член императорской семьи? Мне не положена охрана.

– Но я останусь, – заявила Летиция. – А мне охрана положена. – Голос Летиции зазвенел от гнева. Когда она говорила таким тоном, перечить ей было невозможно.

V

Утром навестить Тиберия явилась Порция. Долго мешкала у порога, боялась войти. Наконец превозмогла себя и подошла к кровати. На пострадавшего она старалась не смотреть. Лицо ее то покрывалось красными пятнами, то становилось белее снега.

– Тут кое-что для тебя... – Порция неуверенно протянула корзиночку с пирожками и фруктами.

Губы Тиберия брезгливо скривились.

– Пусть она уйдет, – выдохнул он, отворачиваясь.

– Я от души... от всей души... – Рука Порции так задрожала, что женщина едва не уронила корзинку на пол. Летиция вовремя подхватила подарок.

– Рада тебя видеть, Порция. Как поживаешь? Если что надо – приходи. Все клиенты Элия теперь находятся под моей опекой. Ты можешь прийти в любое время. – Летиция обрадовалась искренне. Ведь Порция служила у них, когда Элий был жив. С нею можно поговорить об Элии.

– Все хорошо, – лепетала Порция, отступая к двери. – У меня все хорошо... Благодарю... Сочувствую... благодарю...

А хотелось крикнуть в отчаянии: «Все плохо! Мерзко! Мерзко!»

Порция выскочила из палаты и прислонилась к стене в коридоре. Ей казалось, что она сейчас упадет.

Тиберию в самом деле сломали ноги. *Как она пожелала.* Это походило на дурной сон. Мало ли что приснится. Мало ли что выкрикнешь в сердцах. Но это только слова. Злость. Чувства... И вдруг одно твое неосторожное слово приговаривает человека к увечью. Зачем она сделала это? Зачем? Разве она так сильно ненавидела Тиберия? Да, винула. Да, желала злое... Но не настолько.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь остановился и спросил: «Что с тобой? Тебе плохо?» Но все шло мимо – медики, посетители, больные. Наконец одна немолодая женщина в зеленой форме остановилась.

– Что-нибудь нужно? – она заглянула в лицо Порции, но не участливо, а подозрительно.

– Хочу умереть, – прошептала Порция, глядя на медичку полными слез глазами.

– Запись на эвтаназию на первом этаже во второй комнате. При наличии направления от городского архиятера. – Женщина в зеленом ушла.

VI

Летиция вышла из палаты Тиберия поздним вечером. Авла Домиция она оставила охранять старика. Второй гвардеец должен был ждать ее около авто. Она спустилась в гараж и в недоумении остановилась. Обведенная пурпурной полосой часть стоянки пустовала. Роскош-

ная пурпурная «триера» исчезла. Исчез и гвардеец. Летиция обернулась. Случайность? О нет, в Риме не бывает случайностей. Она попятилась. И вдруг нога ее по шиколотку провалилась во что-то липкое. Грязь? На стоянке в больнице?! Летиция рванулась. И поняла, что не может сделать ни шага.

– Эй, кто-нибудь! Кто-нибудь! – Крика не получилось. Какой-то противный, едва слышимый сип.

Никто не отозвался. Летиция отважилась глянуть под ноги. Черная мерзкая тварь обвилась вокруг голени и не пускала. Летиция завизжала от ужаса и отвращения.

И тут же послышались шаги. Бежали сразу несколько человек.

– Сюда! Скорее сюда! – крикнула Летиция и осеклась. Потому что поняла – не на помощь спешат. За ней бегут. *Ловцы...*

Она вновь рванулась изо всей силы. Куда там. Черная ловушка не собиралась ее отпустить. Летиция выхватила из-за пояса крошечный кинжал и принялась тыкать в проклятую тварь. Безрезультатно. Та будто и не чувствовала ударов. Летиция выпрямилась, ожидая. И они появились. Люди? Она изумленно смотрела на этих троих, что бежали к ней. Нет, просто так она не сдастся. Просто так они ее не получают. Она изо всей силы стиснула рукоять кинжала.

Двое подскочили к ней и ухватили за локти. И тогда с громким чмоканьем ловушка отлепилась от пола и повисла липкой тряпкой на ноге. Летиция рванулась. Сила, дающая ей способность лететь, помогла высвободить руку. Лезвие кинжала полоснуло по лицу похитителя. Летти устремилась к потолку. Но второй ловец схватился за лоскуты черной тряпки. Летти билась пойманной птицей, а ловец тянул ее к земле.

– Не уйдешь, не уйдешь! – кричал он и вис всей тяжестью на черном лоскуте.

Тут из-под полукружья арки выскочил преторианец, налетел вихрем и сбил ловца с ног. Летиция отлетела к потолку и крепко приложилась темечком к бетонному своду.

Домиций пришел ей на помощь! Летиция бросилась вниз и попыталась лягнуть по затылку второго ловца. Но тот увернулся. Тогда она метнулась к стене, кинжалом разбила стекло крошечного оконца и вдавила красную кнопку. Оглушительный звон пожарной сигнализации наполнил подземный гараж. Два ловца, забыв про Летицию, бросились к гвардейцу. Тот подмял под себя похитителя и душил. Домиций получил удар по затылку, ловцы подхватили своего товарища и кинулись наутек.

Гвардеец остался лежать на полу.

– Авл, ты ранен? – крикнула Летиция, все еще висая в воздухе в футе над землей: боялась, что «тряпка», что по-прежнему висела у нее на ноге, вновь присосется к полу. – Авл...

Гвардеец приподнялся на локтях и посмотрел на висящую над ним в воздухе Летицию. Интересно, какие морды будут у парней в казарме, когда он расскажет, что преломил копье с Августой?

– Нормалец. Вот только губу этот гад мне разбил. – Он нарочито медленным жестом стер кровь с губы.

– Почему ты ушел от Тиберия?

– Мне голос сказал: она в беде, – отвечал Авл.

– Ты слышишь голоса? – спросила она живо: почудилась родственная душа.

– Влюбленные всегда слышат голос любимой, – отвечал он и понял, что слишком поспешно заговорил о любви. Она отшатнулась, вновь очутилась под потолком.

– Тебе надо поскорее освободиться от этой дряни, – посоветовал он.

– Хорошо бы, – согласилась Летиция. – Я колола ее кинжалом, а она не пускает.

– Дай-ка я! – Он вскочил, рука его сжала ее колено. Он дернул за черный лоскут – не тут-то было! Мерзкая тварь буквально срослась с ногой. Летиции закричала от боли – ей показалось, что Авл сдирает с нее кожу живьем.

– Пойдем наверх, медики наверняка что-нибудь сделают. – Он протянул ей руку, и Летиция опустилась на землю: висеть в воздухе у нее не было сил. Тряпка больше не пыталась присосаться к полу, но и голень не отпускала.

Авл поднял Летицию на руки и понес. Она обхватила его руками за шею. Ее дыхание коснулось его щеки. Он почувствовал возбуждение. И был уверен, что и ее влечет к нему. Она уже склонила голову ему на плечо. Ее губы рядом... Эх, сейчас бы в спальню. Там наверху найдется пустая комнатка? Черная тряпка вытянула свой отросток и попыталась впиться Авлу в бедро. Он почувствовал липкое прикосновение и укол, похожий на укус. Авл отшатнулся и разжал руки. Не обладай Летиция способностью летать, она бы шлепнулась на пол. Но гениальный дар позволил ей удержаться в воздухе.

«А Элий бы ни за что не разжал рук», – подумала она, и нить, что протянулась меж нею и Авлом, лопнула с оглушительным звоном.

Летиция вскочила на ноги. Разумеется, Авл был прав, что разжал руки и почти отшвырнул от себя Летицию, иначе тряпка захватила бы в плен и его. Авл был прав, но эта правота не могла соединить лопнувшей нити.

«Никто, кроме Элия, никто никогда...» – повторяла Летиция про себя как клятву.

Она уже хотела вновь взмыть в воздух – чтоб подальше от Авла, но тут в гараж вбежал вигил и за ним охранники больницы.

Медики подкатали носилки, уложили на них Летицию. Авла оттеснили.

«Интересно, медик может испытывать отвращение к пациенту?» – подумала Летиция.

Глава VII

Сентябрьские игры 1975 года (продолжение)

«Нападение на Тиберия, бывшего секретаря Элия Цезаря кажется фактом не случайным теперь, когда мы знаем о покушении на Августа». Акта диурна, 18-й день до Календ октября²⁰

I

Диктатор Макций Проб плохо спал. Просыпался всякий раз раньше пяти. Быстро перекусив и приняв ванну, садился работать. Многие сравнивали его с Плинием Старшим. Кое-кто говорил это в глаза, надеясь польстить. Макций Проб соглашался. Что ж тут особенного, все трудяги похожи друг на друга. Постепенно работа засасывает, как вино или наркотик. Уже ничего не надо – ни женщин, ни развлечений, а только поскорее сесть к письменному столу. Дел много, и это хорошо. Когда дела иссякнут, и жизнь кончится. Не коротать же остаток дней, читая «Акту диурну» и потягивая разбавленное вино. Хорошо, что Постум так мал – значит, у Макция еще много дел впереди. Молодые не таковы. Даже самые лучшие из них не таковы. Даже его внук Марк совсем другой. Его волнуют мелочи, он слишком много суетится.

В этот раз диктатора разбудили ночью. Звонили из префектуры вигилов.

– На Августу напали ловцы, – доложил Курций.

Через полчаса префект вигилов явился лично. Вслед за ним прибыл центурион по особым делам Марк Проб. Сейчас для диктатора он был только центурионом, которому поручают вести подобные расследования.

– Где это случилось? – спросил Макций Проб.

– В гараже больницы, – кратко отвечал Курций.

– Репортеры оккупировали всю Эсквилинку, их там больше, чем медиков. Пытаются что-то разнюхать, – сообщил Марк Проб.

– Ну, и разнюхали что-нибудь?

– Ничего.

– Используйте их тоже. Эти ищейки порой опережают вигилов. Надеюсь, Августа вне опасности?

Марк замялся:

– И да, и нет...

– Что это значит?

– Черную ловушку удалось снять с ноги, но голень опухла, медики опасаются сильной интоксикации.

Диктатор помянул Орка. Какой абсурд, если вдуматься.

– Что она делала в больнице? – Он постарался взять себя в руки.

– Навещала секретаря Тиберия. Приказала одному из гвардейцев зачем-то охранять старика.

– И преторианец оставил Августу?! Надеюсь, с этим ослом разберутся! – Кажется, диктатор нашел, на ком сорвать гнев.

– Он вовремя вспомнил о своих обязанностях. А вот второй охранник исчез. И машина тоже. Парень, обслуживающий гараж, не видел, чтобы пурпурное авто выезжало со стоянки.

²⁰ 14 сентября.

– «Триера» исчезла!? Улетела? Или уплыла в Клоаку Максиму²¹?

– Я говорю, что знаю. Теперь, когда гении нас больше не защищают, когда весь мир мертв, я поверю во все что угодно. Потому что теперь возможно все. – И Марк невольно поежился – ибо почудилось ему в то мгновение, что в спину ему как раз меж лопаток направлен остро отточенный клинок.

И гения больше нет за спиной.

– А что это за черная тварь?

– Ее отправили в лабораторию. Не могут установить, что это такое. Явно живая субстанция, но...

– Что «но»?

– Медики разводят руками.

– Что ты предлагаешь? Какие действия? – любящий дед смотрел на единственного внука не слишком ласково.

– Усилить охрану Августы, – предложил Марк.

– А так же императора, – добавил молчавший до той поры Курций.

– Преторианцы? Фрументарии?

– И те, и другие. И в придачу вигилы. И я бы приставил одного или двух надежных гениев к каждому.

Диктатор отрицательно покачал головой:

– Не доверю этим тварям.

– Я тоже. Но они могут то, что не можем мы.

– Я подумаю... – уклончиво отозвался диктатор. – И помните: за Августу и императора отвечаете головой. Вы оба.

II

– Андабат, – сказал неведомый сосед Гимпа.

Значит, утро. Пленник пробудился за стеной. Гимп открыл глаза. И увидел потолок.

Свет! От яркой вспышки Гимп зажмурился. Гимп лежал неподвижно, боясь разлепить веки. Вдруг свет только почудился? Вдруг... И все же Гимп осмелился. Дрогнули ресницы... Да, свет, несомненно! Свет мгновенно переплавился в боль. Боль пронзила мозг и застряла под черепом. От нее разбежалась по всему телу тонкая зудящая паутина. Гимп вновь распахнул глаза. Но ничего не увидел, кроме слепящей белизны. По щекам потекли слезы. Гимп сел на кровати, по-прежнему ничего не видя. Раньше мешала тьма. Теперь – свет. Его била дрожь. Ему казалось, что он ощущает льющийся свет кожей – он протянул ладони, будто хотел собрать в них лучи...

Вокруг одна белизна. И по ней лишайником расползлась какая-то муть. Зеленое... желтое... голубое... Наконец Гимп различил очертания комнаты. Стол, два ложа, кресла, стулья... Окно. Зрение возвращалось. Теперь он мог рассмотреть даже роспись на стене – яркая, будто только вчера написанная фреска. Гимп медленно обвел взглядом комнату. Столик из черного дерева, ваза муринского стекла... мраморная статуя... Окно. Он подошел к окну. Но за окном ничего не было. Чернота. Не может быть! Ведь сейчас утро. Гимп вновь затрясся. Осторожно приоткрыл решетку и просунул руку в щель. Сначала исчезли пальцы, потом вся кисть целиком. Тьма за окном ее поглотила. Будто Гимп погрузил руку в чернила. Гимп рванулся назад, спешно ощупал кисть. Пальцы были на месте. Он их видел теперь. В комнате. Но за окном рука становилась невидимой.

Гений отошел от окна. Ноги подгибались. Он сел. Что же это такое? Что?

²¹ Клоака Максима – центральный канализационный канал в Древнем Риме.

Дверь распахнулась. И за дверью – тьма. Из тьмы в комнату шагнул человек. Шагнул и остановился, глядя прямо перед собой. Гимп взгляделся. Ему казалось, он знает гостя. Знает, но не может узнать.

Гимп постарался принять как можно более независимый вид.

– Неужели не рад меня видеть? – Гость раздвинул губы в улыбке. При этом он смотрел куда-то мимо Гимпа. Неужели тоже слеп? Нет, не тоже. Гимп-то видит.

– Кто ты? – спросил Гимп шепотом.

– Гюн, бывший гений знаменитого гладиатора и бога по совместительству, – отвечал гость. Неужели? Сейчас гость совершенно не походил на Юния Вера. Разве что ростом и атлетическим сложением. Лицо его сделалось бесформенным – нос, рот, лоб едва угадывались в мясной глыбе, что венчала мощную шею. Надо же какая перемена... – Рад тебя видеть, – продолжал Гюн. – Ты наконец вступишь в наши ряды.

– В чьи ряды? – промямлил Гимп. Язык перекашивался по зубам, как кусок недожаренного мяса.

– В ряды исполнителей желаний.

– Вы исполняете желания? Как прежде? – подивился Гимп. И какая-то жалкая надежда, вопреки всякой логике, шевельнулась в его душе. Будто сросшееся в бесформенный ком лицо Гюна не служило красноречивым предостережением само по себе.

– Ну не совсем как прежде. Несколько иначе. Но мы опять служим людям. Разве это не призвание гениев – служить людям? Служить Империи? – Гюн лгал, но Гимп пока не мог понять, в чем ложь.

– И ради высокой службы приходится устраивать ловушки на дорогах, хватать прохожих за ноги? – Гений Империи позволил себе быть ироничным.

– Мы должны собраться вместе. Многим плохо, я хочу им помочь. Ты когда-то предал нас, – Гюн сделал значительную паузу. – Но мы тебя прощаем.

Гимп наконец встал, но ноги тут же подкосились, и он вновь опустился на ложе.

– Скоро ты увидишь, как исполняются желания, – пообещал Гюн.

– Вы исполняете желания без помощи богов? – удивился Гимп. – Но как?

– Гении должны быть вместе, – повторил Гюн. – И ты нам нужен...

– Что я должен делать?

– Ничего. Просто быть с нами.

Когда-то Гюн был гением бога. Но гений бога – это еще не бог. Так же как гений власти – отнюдь не власть.

«К чему этот дурацкий разговор ни о чем? Пустая болтовня... Одни слова. Чего хочет Гюн?»

Гимпу наконец удалось подняться. Он стоял, держась за стену. Слабость тела бесила. Как хорошо было прежде. Надоело – сбросил тело. Захотел – вновь надел, как тунику. «А вдруг я точно так же изменился...» – подумал Гимп, глядя на Гюна. У него возникло непреодолимое желание ощупать свое лицо. Но он сделал усилие и сдержался.

– Нельзя ли посмотреться в зеркало? – спросил он как можно непринужденнее. – Столько времени не видел своей оболочки.

– Зеркало там, на стене. – Гюн сделал неопределенный жест.

Серая поверхность потускневшего зеркала занимала узкую полосу между двумя фресками.

Гимп шагнул к зеркалу и всмотрелся. Он тоже изменился. Сильно. Но совершенно иначе, нежели Гюн. Все brutальное, мощное исчезло, осталось утонченное измученное лицо аскета. Гимп стремительно менялся. Но Империя не менялась, как прежде, вместе с ним.

– А кто там за стеной? Тоже ваш пленник, который вам *нужен*? – поинтересовался Гимп. – Он все время говорил «Андабат». Кого тебе еще удалось пленить, какого гения?

- За стеной никого нет.
- Но я его слышу.
- Тебе кажется.
- И все же...
- Будь как дома. Ведь тебе нравится снова видеть?
- Как мне вернули зрение?
- Ну, не совсем вернули, – странно усмехнулся Гюн.
- Радиация? – содрогнулся Гимп.
- Нет. Один из гениев подобрал этот свет бля тебя.
- Гений слепоты? – через силу засмеялся Гимп.
- Гений смерти. Он устроил уютную спаленку.
- Получается, за дверью я ничего не увижу? А ты?
- А я вижу весь мир. – Гюн на ощупь двинулся к двери.

Ничего, скоро явится Курций и накроет всю шайку. Или не явится? Вдруг затея не удалась?! Арриетта не смогла... Жучок-чудачок, бывший гений, испугался и удрал. Самому придется выбираться. Легко сказать – выбираться. Просто так Гимпа не отпустят. Бывший гений Империи нужен Гюну. *Очень*. Вот только зачем? И этот мертвый свет... Надо же, какая забота!

– Неплохо бы перекусить, – заметил Гимп.

– Сейчас тебе принесут еду, – пообещал Гэл и нырнул в непроглядную черноту. Вместо него из тьмы тут же вышел юноша, одетый в черное. Человек, не гений. В руках он держал поднос. Нехитрая трапеза: кувшин вина, хлеб, яйца. Человек, так же как и Гюн, ничего не видел в комнате Гимпа, и дорогу себе освещал фонариком. Его луч казался гению Империи черным клинком. Гимп взял кувшин в руки, подержал. Странно после многодневной слепоты одновременно ощущать что-то пальцами и видеть. Как будто совершаешь что-то лишнее. Как будто мир давит на тебя вдвойне.

– Хорошее вино? – спросил Гимп. Мальчишка не ответил. Гимп глотнул прямо из кувшина. – Сносное. А ты, надо полагать, немой?

– Нет. – Мальчишка поставил поднос на стол.

– Тогда почему молчишь?

– С гениями лучше не разговаривать.

– Почему?

– Опасно, – нехотя отвечал парнишка.

– Это почему же опасно? – Гимп расправил плечи. Откинул голову назад и глянул свысока. Преобразился. На мгновение сделался прежним – опекуном Империи, олицетворением ее власти. – Так почему же? – настаивал Гимп.

– Вдруг я что-нибудь пожелаю, а ты исполнишь...

Гимп расхохотался:

– Этой власти у нас больше нет.

– Как же! – недоверчиво пожал плечами паренек. – Вот Понтий пожелал, чтобы Элий не возвращался из Месопотамии, и Цезарь погиб.

– Это всего лишь совпадение.

– Совпадений не бывает. Сосед мне показал письмо: просил, чтобы наш дом сожгли. И через семь дней мы стали погорельцами. Теперь мать с сестрой ютятся на вилле патрона в одной комнатухе.

Какой-то бред. О чем болтает этот парень?

– Письмо? Кому писал твой сосед?

– Неважно. Ешь. Вы, гении, и не такое человеку устроить можете.

Гимп рассмеялся через силу, хотя смеяться ему не хотелось.

– А ты тоже желаешь что-нибудь в этом роде – убить, сжечь? И боишься своих желаний?

Парнишка направил Гимпу в лицо луч фонарика, и глаза гения мгновенно залила тьма.
– Я ничего не желаю.

Луч фонарика метнулся в сторону. Зрение вернулось.

– А если пожелать кому-нибудь удачи, сбудется? – допытывался Гимп.

Гений Империи чувствовал: парень хочет уйти. Но не может. Гимп притягивал его магнитом, как всегда притягивал слишком многих.

– Не пробовал, – буркнул парнишка.

– А ты попробуй.

– Мне некому желать такое. Мой отец погиб в Четвертом легионе, – юный тюремщик повернулся к гению Империи спиной.

Когда дверь открылась, Гимп разглядел за нею опять только черноту. Гимп рванулся следом. Но прежде чем шагнуть в чернильную тьму, Гимп обернулся и широко распахнул глаза, вбирая частичку света из комнаты и пряча ее под веками. Он плотно зажмурился. И очутившись за спиной юного тюремщика, поднял веки. Но увидел не коридор, не плечи и затылок юноши, а город на фоне гор, кирпичную зубчатую стену и вспышку, которая поглотила все – и город, и стену, и горы. Гимп закричал. Ему казалось, что увиденный свет выжигает глаза, и из пустых глазниц сейчас покатятся кровавые слезы.

– Андабат... – сказал равнодушный голос где-то рядом.

Глава VIII

Сентябрьские игры 1975 года (продолжение)

«Состояние Августы пока без изменений. Врачи не могут определить причину ее болезни».

«Вчера закончились Римские игры. Победителем объявлен Авреол. Он принес счастливицам, поставившим на него более двадцати миллионов сестерциев в сумме».

«Акта диурна», 12-й день до Календ октября²²

I

Порции было тошно. Но ведь она не знала, что Тиберия изувечат на самом деле. Прежде такое запрещалось цензорами – нельзя было желать никому вреда. Как хорошо было прежде! А сейчас... Сейчас виноваты те мерзавцы, что изувечили старика. Мерзавцы! Порция повторила это слово раз сорок, прежде чем добралась до редакции «Первооткрывателя». А сквозь пленку ужаса прорывалось: а если бы старик не измывался над Порцией, то не попал бы в беду... за дело наказан, за дело! Пусть и чересчур сурово, но все равно. Сам виноват.

«Да, да, сам виноват!» – Порции сделалось немного легче.

Ведь как он ее третировал! И Элий тоже поступил несправедливо. Что прикажете ей делать? Терпеливо сносить незаслуженные удары? Но почему? За что? Разве мало она перенесла в жизни? Замужество длиною в пять дней и бесконечное вдовство. Работа урывками, мизерная зарплата. Хозяева, то наглые, но равнодушные. И эти вечные предложения то прийти на дом, то в гостиницу. То брошенные мимоходом, то настойчивые. Одни можно игнорировать, от других невозможно отказаться. Жизнь, липкая, как перезревшая груша, над которой рой мух и ос. Хлеб, вино, не выученные уроки сына, кофе, долги и повсюду сор. Где взять деньги на квартиру... кончился тюбик помады... Деньги патрона украли из сумочки в поезде... Постоянные боли в боку. Левая нога плохо сгибается. Нет денег на хорошего медика. А городской архиятер не слушает жалобы и строчит рецепты на тысячи сестерциев. Старость маячит у порога. А из-за плеча ее выглядывает мерзкая харя Одиночества и строит паскудные рожи. И после этого всего Тиберий с его придирками! А Элий выгнал, потому что она захотела жить чуточку лучше. Она отомстила. Никто не смеет ее ни в чем обвинять. Да, не смеет... Но почему же так тошно?

Идти в редакцию не хотелось. Но о том, чтобы не идти, речи быть не могло. И она пошла. Очень медленно. И другие шли. Впереди. Позади. Непрерывный поток вливался в широко открытые двери. Люди поглядывали друг на друга подозрительно и прятали глаза. Но не все. Некоторые, напротив смотрели вызывающе. И Порция тоже старалась смотреть точно так же. Как будто на ней не стиранное перестиранное платье, а роскошный наряд с золотым узором. Крул, выйдя в просторную приемную, сразу заметил именно ее и поманил жирным пальцем в таблин.

– Ты довольна, крошка? – перед ним на столе возвышалась горкой нарезанная ветчина на серебряном блюде. Крул отправлял ломти в рот один за другим.

– Да, наверное.

– Что-то не так? – старик ухмыльнулся, прищулив один глаз.

– В принципе... я не так хотела.

²² 20 сентября.

– Что значит – не так? Ты же сама попросила, чтобы Тиберию переломали ноги. Вот мы и исполнили. И ты должна быть довольна. И благодарна.

– Я довольна, – покорно согласилась Порция.

«Только бы никто не узнал, – взмолилась она. – Если узнают... о боги, если узнают...» Представить, что будет, если узнают ее друзья и знакомые, она была не в силах. Позор. Ужас. Смерть... Но ведь боги знают... Она вспомнила старую заповедь: «Мое поведение, хотя бы я оставался наедине, будет таково, что на него мог бы смотреть народ»²³. Порция содрогнулась...

– Отлично. Тебе придется исполнить поступившие к нам желания...

Что значит – придется? Разве она не может отказаться? Порция с возрастающей тревогой следила за пальцами Крула. Старик хватал один за другим конверты, оставляя на бумаге жирные пятна. Писем было штук двадцать.

«Неужели они все просят о том же самом? То есть...» – Порция не успела додумать.

– Вот подходящее письмо. Одна женщина обращается за помощью.

Убить... Отравить... У Порции сдавило сердце. Но тот, кого отравят, наверняка виноват... Как Тиберий. Как Элий. Нет, не как Элий, конечно. Элия она уже не винила. Почти. Если бы Элий вернулся, она бы ему все простила. Ему – все.

– Старая матрона просит, – продолжал медленно Крул, – чтобы кто-нибудь приехал и грамотно составил от ее имени жалобу в суд.

Порция перевела дыхание. Всего-то! Жалоба в суд! Да хоть десять. Эта работа как раз для нее. Она составит. Она... она... Она спешно взяла письмо и выскочила из таблина. Как приятно – какое счастье – всего лишь жалоба в суд.

«А потом я подсыплю матроне в чашу яд». – Порцию стал разбирать мерзкий гаденький смех. А почему бы и нет? Она готова подсыпать яд. Чтобы все свершилось окончательно, бесповоротно.

– Еще одна мышка в мышеловке, – ухмыльнулся Крул. – Ну почему люди так любят, чтобы кто-нибудь другой исполнял их желания? Почему они не могут сделать это сами? Не хватает энергии? Нет сил? Или фантазии? Да, с фантазией всегда у римлян было туго.

II

Нога Летиции распухла бревном. На коже проступали отвратительные красные пятна. Они нагнаивались, превращаясь в черные глубокие язвы. Никакие лекарства не помогали, но хуже всего было то, что не помогали и анальгетики. Поначалу Летиция старалась держаться. Но очень скоро выдержка оставила ее. Уже и морфий не помогал. Сна не было. Были какие-то провалы. Всякий раз она оказывалась в черной пещере с отвратительным сернистым запахом, металась, звала на помощь и... никто не приходил... И выхода из пещеры не было.

Ее палата была просторна и светла. Легкие занавесы на окнах, красивая, совсем не больничная мебель. Два раза в день меняли цветы. Каждое утро перестилали белье. Но ничего этого Летиция не видела. Она ослепла. Тьма слилась с болью и превратилась в единое целое.

Один за другим являлись в ее палату медики, озадаченно рассматривали ногу, потом светили фонариков в невидящие глаза. Старшие медики удалялись с озабоченным видом, вместо них являлись молоденькие медички, ставили капельницы или кололи в вену лекарства. Все без толку. Несколько раз посещал Августу диктатор Макций Проб, что-то говорил, успокаивал. Во всяком случае, Летиция слышала его голос. Но смысл сказанного до нее не доходил. Ее ничто не интересовало. В ее жизни отныне была только тьма и боль.

– Помогите, пожалуйста, помогите, – умоляла она, хватая медиков за длинные рукава туник.

²³ Сенека.

Летиция не видела их, но в темноте, ныне ее окружавшей, лица медиков мерещились ей зловонными масками лемулов.

Одни спешно ухаживали, другие пытались обнадежить. В темноте их слова звучали особенно фальшиво. Средств помочь не было. Боль не утихала.

– Кто-нибудь, помогите, – шептала Летиция.

И вдруг почувствовала прикосновение чьих-то пальцев к плечу и услышала быстрый шепот:

– Вечером я приду, принесу лекарство. Но никому ни слова, – Голос был женский, молодой.

Летиция вцепилась в руку своей благодетельницы.

– Все что угодно, хоть яд.

– Тише! До вечера.

Быстрый шорох шагов, дуновение ветерка, когда дверь открылась и закрылась. Да был ли здесь кто-то вообще.

– Кто здесь? – спросила Летиция.

– Сиделка. Я здесь с утра, Августа.

– А вечер скоро?

– Сейчас полдень.

О, если б вечер наступил через минуту! Но не минута, а часы отделяли ее от обещанной помощи. Летиция считала секунды, складывала в минуты и всякий раз ошибалась. Ей мнилось, что синь за окном начала густеть, сделалась лиловой, потом почти мгновенно – черной.

– Который час? Уже стемнело? – спрашивала она сиделку. Но выяснялось, что минуло меньше получаса.

И все же, как ни противился Кронос, вечер наконец наступил. И тогда явилась неведомая спасительница. Августа узнала ее шаги, ее голос, почувствовала легкий укол. Боль обесцветилась. Миг, и растворилась вовсе. Невесомое тело потянуло к потолку. Лететь, лететь!

– Что это? – спросила Летиция.

– «Мечта», синтетический наркотик.

Значит, в самом деле яд.

«А хорошо бы умереть, – подумала Летиция. – Я встречу с Элием. Наконец-то!»

Укол погрузил ее в сон. Знакомый сон. Опять пещера. И серный запах. Но теперь она без труда нашла выход. Перед нею расстилалось поле под зеленым мертвым небом. Зеленый туман клочьями плыл над землей. И по пояс в тумане брели студенистые белые фигуры. Летиция оглядывалась, пытаясь отыскать знакомое лицо. Но никого не узнавала. И ее тоже никто не узнавал. Она рванулась вперед. Она кого-то искала в тумане. Тени разбегались, пугаясь живой души.

– О, Маны! – звала Летиция.

Никто не откликнулся на ее призыв. Она выбилась из сил, она устала. Хотелось лечь в зеленый туман и уснуть. Но она знала, что спать здесь нельзя. Уйти... скорее... Она повернула назад. Шаг – и она очутилась в пещере. Железная дверь приоткрылась, за дверью была тьма.

Сон кончился. И вместе со сном кончилось с действие наркотика.

III

Гимп очнулся. Что-то противное, липкое ползло по лицу. Липкое, но ославляющее влажный, прохладный след. Неведомая тварь уже побиралась к щеке. Он схватился за лицо. На ощупь – влажная плотная тряпка с какими-то клочьями, торчащими во все стороны.

– Н... н... д... – сказала тряпка вполне отчетливо. Гимп отшвырнул ее и расслышал мокрый шлепок.

Гимп открыл глаза. Он видел по-прежнему. Напротив него к стене прилепилась черная тряпка, такая драная, что даже на помойку ее нести было бы стыдно. И эта тряпка смотрела на него, Гимпа. Бывший покровитель Империи несколько раз отчаянно моргнул, пытаясь прогнать наваждение. Но видение не исчезало. Тряпка наблюдала за пленником. И при этом старательно что-то «изображала». В черных складках то и дело мелькало подобие человеческого лица. Черные тряпичный рот гримасничал, будто силился выдать какой-то звук.

– Т... в...д...ш... – произнесла тряпка.

«Ты видишь!» – догадался Гимп.

– Ловушка! – наконец дошло до бывшего гения.

Тряпка, висятая напротив Гимпа, что-то пробулькала. Говорит? Но что? Гимп не понимал.

Лужи, застывшие черными стеклами на римских мостовых. Дважды он проваливался в их предательскую глубину. Но то была не первая встреча. Первая – гораздо раньше. В лагере недалеко от Нисибиса. Именно там впервые он ощутил это липкое прикосновение. Он помнил, как неведомая тварь обвилась вокруг его ноги. Они оттуда, издалека, из безумного пламени, что выжгло гению глаза и уничтожило тридцать тысяч человек.

– Ты видишь в этой комнате? – удивился Гимп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.